18+

ВАЛЕНТИН НИКОРА

Для кого закон не писан

ХРОНИКА ЧЕТВЕРТАЯ

Валентин Никора

Для кого закон не писан. Хроника четвертая

«Издательские решения»

Никора В.

Для кого закон не писан. Хроника четвертая / В. Никора — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-646814-6

Каникулы и приключения начинаются одновременно!Двенадцатилетний сын графа, Херо дон Педро, рыцарь Костоломии и Радикулии, похищен угрином Уркесюком и Черным Принцем Эдвардом. Он нужен, чтобы детскими руками изъять из мира мертвецов могущественный артефакт, который позволит злодеям завоевать мир.При помощи маленькой хитрости доблестный Херо побеждает Папуаса, получает в качестве приза Чашу Гадаля.Но темный артефакт разбивает душу Херо на две части, одна из которых проваливается в ад.

ISBN 978-5-00-646814-6

© Никора В.
© Издательские решения

Содержание

авантюрно – саркастическая фэнтези 6
Пролог 7
Книга первая 13
повествующая о благородном идальго Херо дон Педро 14
Часть первая 15
Глава 1 16
Глава 2 23
Глава 3 27
Глава 4 30
Глава 5 36
Часть вторая 39
Глава 1 40
Глава 2 45
Глава 3 49
Глава 4 56
Часть третья 60
Глава 1 61
Глава 2 67
Глава 3 71
Глава 4 76
Конец ознакомительного фрагмента. 77

Для кого закон не писан
Хроника четвертая

Валентин Никора

© Валентин Никора, 2024

ISBN 978-5-0064-6814-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Четвертая хроника Эйроланда
Валентин Никора
Для кого закон не писан
или
необычайно правдивая повесть
о настоящем идальго, рыцаре Слова и Чести;
а так же: о колдунах и драконах,
о странных странах, и о дворцовых интригах

авантюрно – саркастическая фэнтези

Каникулы и приключения начинаются одновременно!

Двенадцатилетний сын графа, Херо дон Педро, рыцарь Костоломии и Радикулии, похищен угрином Уркесюком и Черным Принцем Эдвардом. Он нужен, чтобы детскими руками изъять из мира мертвецов могущественный артефакт, который позволит злодеям завоевать мир.

При помощи маленькой хитрости доблестный Херо побеждает Папуаса, получает в качестве приза Чашу Гадаля и проносит ее прямо через посты укравших его самого злодеев.

Но темный артефакт разбивает душу Херо на две части, одна из которых проваливается в ад.

Кто же поможет Херо дон Педро обрести единство?

Пролог

Как известно, у каждого мага есть страшная темная комната, в которой живут всяческие твари и мутанты: пауки, крысы и тараканы. А сами волшебники запираются в этих стенах, дабы предаваться там ужасным и просто-таки непристойным занятиям: смешиванию трав и эликсиров, варению золота, мыла, шампуня и прочих, очень нужных в хозяйстве, вещей.

А лабораториями эти чуланы чародеи назвали не случайно. Это было малопонятное слово, именно потому его и использовали, чтобы нагнать страху на разбойников, дабы хулиганы не лазили бы воровать волшебные нескончаемые чипсы… А то всякого жулья развелось!

Нилрем – самый известный волшебник всего Соединенного Королевства Эйроланд – сидел в такой своей тайной лаборатории и задумчиво чесал фиолетовый нос.

Вообще-то, враги прозвали Нилрема – Мерлином, они думали, что имя, произнесенное наоборот, отнимает у волшебника силу. Но Нилрему новое имя даже понравилось, и под ним он был более известен по всему миру.

Растрепанный маг качался на табуретке и думал о том, почему сорвался такой интересный химический опыт.

Секунду назад сам по себе взорвался огромный чан с волшебной горькой настойкой с жутким, леденящим кровь названием «Кагор» или «Когорта», или «Легион». Что-то в этом духе.

Сам Нилрем толком не помнил названия из-за обострения старческого склероза. Но сейчас волшебнику было грустно: над этой настойкой пришлось основательно повозиться, и вот результат: дым, чад, вонь, шишка на лбу и дырявый чан…

А еще говорят, что маги – все сплошные лентяи и тунеядцы, которые обманывают простых тружеников. Ничего подобного! Даже колдунам – это те, кто не доучился до магов и стал использовать черное (правильнее: не качественное) волшебство; даже третьекурсникам Гэдориэльского Университета Слова приходится вставать вместе с солнцем, и трудиться в поте лица своего.

Ну, конечно, встречаются маги и похитрее, которые трудятся в поте лица чужого. Но Нилрем был очень благородный чародей, очень умный, только бедный и немного рассеянный. А так, у него, у Нилрема, замечалась склонность к иронии и легкому юмору; иногда случались даже приступы волшебного веселья по пятницам, в полнолуние или в ночь с 12 на 13 число.

И, конечно же, «Кагор» или «Когорта» разнес лабораторию именно в пятницу 13 мая, в полнолуние, только днем, а не ночью.

– Черт, черт, черт, черт!!! – взорвался негодованием Нилрем и запустил в единственную не рухнувшую от взрыва стену толстой амбарной тетрадью.

Волшебник не помнил, что чертей, как таковых, в Эйроланде никогда не водилось. Не были занесены черти и в «Красную книгу». Не было этих бесов-балбесов ни в «Алом томе», ни в «Словаре Одина Обжегова». Их, рогатых шалунов, не существовало вовсе, но зато процветали их ближайшие родственники: лешие, баенники, водяные.

Вообще, если смотреть в корень, то «черт» – это вовсе не нечисть, как принято думать, а некий злыдень, который переступает черту запрета, то бишь проникает из одного мира в другой с одной целью: хорошенько повеселиться. Само это слово «черт» пришло из хордорского языка, да так и осталось. Им хорошо было ругаться.

К слову сказать, на Хордоре одни только преступники позорные и жили. Хордорцы даже изобрели свой особый тайный истерический язык, который использовали для вызова злых духов, ветров, а также всяческих страшных демонов. Назывался этот чудесный сленг «матом».

Хотели, правда, сначала обозвать язык «батутом», чтобы никто не догадался, но нашелся один умник, который доказал, что именно мат, и только он, облегчает повседневную жизнь. И лучше один раз сказать: «Говно!», и плюнуть соседу на ботинок, чем двести раз повторить, что комнатные собачки не имеют права оставлять свои экскременты именно на вашей дороге.

Но все это было в глубокой древности, когда деревья были маленькими, моря – пресными, люди – умными. Наверное, лет сто назад. А, может быть, и – двести…

Поднявшись с табуретки, Нилрем грустно оглядел руины лаборатории, и вздохнул. Жизнь, похоже, вступила в черную полосу. Короче: дело – дрянь.

Впрочем, если честно, то три года назад из Министерства Внешних Сношений пришло официальное приглашение, подписанное королем Сведенрегом, в котором Нилрема торжественно звали на заслуженный отдых в Белолесье, в лучшие королевские угодья, что раскинулись под самой столицей.

Обещали пенсию офигенную положить в конверт, да чего-то позабыли. Или, может быть, деньги по дороге затерялись. Дороги-то в Эйроланде – по ним только за смертью ходить, а не гонцов рассылать. У каждого перекрестка ведь столбовой камень стоит: «Сюда не ходи, туда ходи, а то конь нога сломает – совсем мертвым будет». Так ведь не верят. Думают: в Департаменте Путей Сообщения шутники собрались, а вовсе не серьезные люди.

Гербовая бумага с предложением короля Сведенрега и сейчас хранилась в погребе, в пустой винной бочке, чтобы приглашение это, не дай бог, мыши бы не подпортили. Все-таки – документ. Ну, и про запас: пергамент как никак. На случай мора там какого, войны или просто несчастного случая. Слаб Нилрем был желудком, и потому несчастья подстерегали его на каждом шагу. Оттого волшебник так любил свои леса. Здесь под каждым кустом он мог найти облегчение.

Нет, не поехал волшебник в столицу. Чего там делать-то? В городе ведь всюду: каменные мостовые, набережные, дома пятиэтажные купеческие, трущобы шестнадцатиэтажные, в которых люди, точно муравьи. Страсть!

А вода в те хоромины бежит по ржавым трубам, прямо из реки Семицвел вместе с головастиками и прочими микробами.

И дворяне по ночам, вместо того, чтобы книжки умные читать, все больше по балам шастают: ищут, кого бы шпажонкой во имя Прыщавой Дамы проткнуть.

Жутко жить в городе. У них же там наркоманы на каждом шагу. Берут куриный помет, заворачивают его козьей ножкой в туалетную бумагу и курят. И приключается от этого у модников куриная слепота. То бишь наркоманы начинают видеть как куры: одних червячков. И это так смешно, что потом даже уважаемые люди не могут жить, не покурив куриного помета на ночь.

А еще они жуют ножки Буша. Ей богу! Говорят, в Гэдориэле, сразу после войны привезли из Хордора страшную траву. Похожа она на болотную кочку, но если ровно в полночь ее полить девическими слезами, то в мгновение ока вырастает из травы Буша четыре свежих окорока.

Эти ножки такие славные! Откусишь: и сразу начинаются видения шестируких серафимов и семиногих писсуаров – очень страшных зверей.

А еще, говорят, многим грезится страшный Курий Бог. Сальмонез называется. Или майонез – имен у него много, а суть его одна: ловит он людей и ест их!

В общем, пусть в городе умники всякие живут, а старым чародеям, ветеранам всех последних войн, Стрелок и Разборок соваться в подобное гнездо разврата совершенно не зачем: годы не те, да и возможности тоже.

К тому же, на кого бросить насиженные места: огород, хозяйство? Корова вот, купленная сразу после войны, куры волшебные, которые несутся сразу и яйцами, и копчеными куриными тушками. Очень удобно, знаете ли: никого резать не надо, а мяса всегда вдоволь. Да еще благодарные крестьяне из всех соседних селений несут: кто бочонок меда, кто пуд пшеницы, кто

сельди копченной пару ведер, кто воблы сушенной возок, кто грибков соленых тонны три… С каждого по нитке, магу – мантия.

Так Нилрем и жил.

Но когда бывало слишком уж голодно, старый волшебник не чурался и сам наколдовать себе еду. Так, без особых затей. Любил чародей сладости: торты «Ври-Давай», «9 и ¾ островов», «Хачу-и-Пудрю», «Белые Розы на морозе» и тому подобное.

А еще чародей не мог устоять перед пирожными, морожеными, плюшками, ватрушками, и всяческими булочками со сгущенным молоком и шоколадом, а также пирожками с капустой и со шкварками.

Нет, Нилрем вовсе не был толстым обжорой.

Всю сознательную, да и бессознательную жизнь, волшебник оставался тощим, точно жердь, седым, как грязный лунь, строгим, как аббат. Правда, иногда чародей забывал, что он очень правильный и справедливый. Вот в такие несчастные для всего Соединенного Королевства Эйроланд дни обычно и совершались разные гадости. А Нилрем по обыкновению в такое время и ухом не вел.

Именно за эту его особенность враги и друзья, из вредности, стали звать его по имени, перевернув это имя наоборот, чтобы досадить магу. Но Нилрему новое имя очень даже понравилось. И магических сил у старика, как это ни странно, прибавилось. В историю Соединенных Королевств старый чудак так и вошел под именем чародея Мерлина.

Это ведь только глухой не слышал жуткую и правдивую легенду о том, как полчища коварного и подлого Смегоарла вторглись в Соединенное Королевство, а великий маг в это время в карты играл. Причем, это вовсе не поэты и писатели всякие выдумали. Так все на самом деле и было. Даже свидетели имеются. Не всех их еще перерезали.

Опять же, когда демон по кличке Жругр решил устроить сходняк, создать Единый Преступный Синдикат Всего Соединенного Эйроланда, когда воры в законе, дилеры и киллеры, типа солдат Хордора, перешли границу у реки и начали Великую Омерзительную Мочиловку, Мерлин гонялся по пустыне за одним из угринов… А когда же маг спохватился, было слишком поздно… И так всегда. На протяжении всей истории архипелага. Ну, по крайней мере, если верить летописям…

– Ух! – сказал Нилрем.

Это волшебник так злился, а заодно подзывал своего ученого филина Стагирита.

Но у Стагирита была жена и трое маленьких пернатых сыновей. А в этот день, 13 мая, в пятницу, знаменитому филину вообще было не до магии. Он, Стагирит, пил девяностоградусную плайтонскую водку и читал третий том великого Ариола с леденящим кровь названием «Физиогномическая химия нестоической софистической органики». Филин постигал глубины философской мысли. Семья же неясыти мирно спала после трудовой ночи.

Мерлин почесал в затылке, и тут его вдруг мигом посетило озарение, то бишь, говоря высокопарным почти научным языком летописей: «цепкие пальцы склероза ослабили хватку», и Нилрем отчетливо представил себе, чем может заниматься Стагирит на воле.

Не красиво получалось, не по справедливости. Старый человек один в лесах парится, и некому ему приятной ночи пожелать. Волшебник даже всхлипнул от жалости к самому себе, поморгал глазами, и вспомнил, как он трагически одинок на этом свете.

Сразу захотелось прилечь на кровать и уснуть. А то ведь некому даже стакан воды с цианистым калием подать! Даже жена Мерлина (а у чародеев иногда, как и у филинов, бывают и жены) уехала гостить к родне в далекую Плайтонию, и пребывала там второй месяц. В общем, все было плохо: шишка болела, кушать было нечего, колдовать – лень…

И вдруг небеса потемнели. Надо сказать, в Эйроланде такое случается сплошь и рядом. Этим никого уже и не удивишь. В Соединенном Королевстве темных сил, простите, Светлые Боги, как собак нерезаных, куда ни плюнь, – в злодея попадешь…

Ну, стало быть, небо потемнело, и началась гроза. Ветвистая гигантская молния яростно сверкнула над опушкой Шероиданского леса, как раз над огородом Нилрема.

«Кажется, дождь собирается». – подумал волшебник.

Но это был не ливень. Это летел злой и ужасный дракон. По крайней мере, так показалось вначале.

На самом деле дракон был мелковат, толстоват и не в меру болтлив. А молния оказалась огнем, изрыгаемым этим жутким чудовищем.

Тучи же, эти вечные странники, сами по себе набежали. Захотелось им, тучам, набежать над лесом и поморосить противным таким, мелким и слепым дождиком.

Само собой разумеется, как всякий порядочный змий, дракон этот летел не просто так, а по делу, да еще и добычу тащил. Правда, не принцессу.

Ну, сами посудите: на кой ему визгливая и тощая дура с прыщами по всему лицу? Нет, родственник вивернов оказался умнее, он волок несколько тяжеленных талмудов. То ли дракон умел читать, то ли был преподавателем изящной болтологии, то ли хотел заложить все эти фолианты в ломбард, – вот так сразу, с кондачка, было не понять.

В общем, туча пробежала, дождь скоропостижно кончился, а ящер удалился. И вроде все ничего, да одна из книг, конечно же, совершенно случайно, выскользнула из цепких когтей дракона и шмякнулась Нилрему прямо на остроконечный и в меру засаленный чародейский колпак.

От удара волшебник шлепнулся на землю и подумал, что пора бы вывести закон всемирного притяжения, а то фолианты и яблоки совершенно беззаконно падают всем на головы, да только пользы от этого никакой. Но от научного открытия старца отвлек сам вид книги.

Кто хоть раз листал «Хроники Эйроланда», тот знает, какую власть имели над этими землями поэмы всяких разных рифмоплетов. Слава богам, в Соединенном Королевстве пока не народилось ни единого писателя: ни критического реалиста, ни космополита-фантаста. Этим только и спасались…

Неудивительно, что, завидев пухлый томик, Мерлин резво вскочил на ноги, поднял книгу, полистал её и задумчиво прочитал: «В Костоломии, в стране мельниц и рыцарей, вороги опять гремели костями. И встал тогда благородный идальго Херо дон Педро, поклонился образу Дурьсинеи, поднял меч Охринею, и поклялся, что не вернется домой, покуда зло гуляет по дорогам родной Костоломии и Радикулии».

Нилрем крякнул и многозначительно почесал поясницу. После подобного «чтива» чародею почему-то припомнилось детство. Старые, заросшие лопухом и крапивой дворики и рыжая девчонка Лолиа с разбитыми коленками; та самая непоседа, что вечно дразнила Мерлина сивым мерином. И это было вдвойне обидно, потому что сивым бывал отец, как раз по выходным дням, когда принимал внутрь сивухи, для «сугреву»…

«Эх, навыдумывают дурацких имен, а потом ходят, как павлины: мы, де, дворянская кровь с молоком, нас, де, уважать надо за одну лишь древность фамилии. Тьфу!» – подумал Мерлин.

Но самое интересное было то, что величайший волшебник Соединенного Королевства Эйроланд слыхом не слыхивал ни про Костоломию, ни про Радикулию. И это наводило на философские раздумья. То ли в Эйроланде появились запретные книги из иных миров, то ли народился, жабу ему в печень, фантаст-прозаик.

Так и эдак, – скверно.

Что ж, видно наступило то самое время «ИКС», о котором пророчил Зеродар. Кончилась эпоха раннего феодализма, и теперь-то уж можно было не бояться, что орды нечисти двинутся на благословленные земли Эйроланда со всех сторон. Так подумал Нилрем.

Вообще, чародей был очень умным и даже ученым, но, как всем давно известно: мудрость порождает скорбь, от многой мудрости – одна дурь, а если этой самой мудрости вагон и маленькая тележка, то, как следствие, дело всегда венчает маразм.

Нилрем же находился на самой высшей точке познания абсолюта Истины, а потому у него время от времени появлялись неадекватные, то есть немного странные и совершенно неуместные мысли. Например, о том, «как нам лучше обустроить Эйроланд» или о «десяти днях, которые потрясли Архипелаг», или о «силе аффирмаций в религиозном самосознании свидетелей чертовых». Вот и сейчас горестные раздумья навалились на чародея, словно снежный ком, несущийся с горы.

Мерлин повертел томик в руках и обратил внимание на заголовок. «Прёт Магкефери „Всадники со станции Перна“, том восьмой» – это было выведено красивой алой вязью на черном бархате. Серебряные застежки изображали львиную пасть, и это казалось диковинным. По крайней мере, в Эйроланде никто пока не додумался делать фигурные чеканные застежки.

«Так, – подумал Нилрем, и гневно сверкнул очами, – Смегоарла мы победили, Уицраору на полдник не достались, Дыя перехитрили. Казалось бы: живи и радуйся. Ан нет! Опять со всех сторон тянется к нам неведомый враг! И чего тянется: не понятно. Королевская казна пуста. Взять-то со Сведенрега нечего».

И все же книга откуда-то появилась. Или её похитили из иных миров, или это пролетал чужой дракон, пробравшийся в священные гробницы Йехесода, или это был просто подлый лазутчик, случайно попавший в небо Соединенного Королевства.

Да, прямо на глазах, падение с неба самой заурядной книжонки грозило обернуться детективной историей с жуткими подробностями, как из этой самой Костоломии некий дон Педро со товарищи пробирается в Эйроланд тайными тропами.

Мерлина бросило в жар. Ох, как ему не хотелось снова вести за собою то стадо болванов, которое опять навешает на себя кучу жестянок, выжрет всю сивуху, и будет горланить день и ночь: де они – цвет рыцарства.

Может быть, кому-то и смешно, а ему, Нилрему, в случае нашествия этих самых пернцев, еще придется трястись, как наседке над цыплятами, над так называемыми Хранителями Мудрости, которые на деле умеют беречь лишь ту трудовую мозоль, что перевешивается через ремень, да и то – со скрипом и скрежетом зубовным.

Вот если бы эта дурацкая книга свалилась на голову нормальному человеку, он бы употребил её с пользой для себя и окружающих: селедочку бы завернул, с пергаментными листами по большой нужде сходил… Да мало ли как можно использовать такое сокровище?

Вон, бархат с серебром оторвать и в ломбард снести – опять же, деньга. Это вам не по помойкам пустые кувшины собирать. Тут сразу – вжик, и – пей, не хочу; ешь, не могу.

А с волшебниками все иначе. Трудный они народ. Нет, не брезгливый, но туповатый немного: во всем они хотят дойти до самой сути. До той, которой и нет вовсе. И все у них сплошные знамения и пророчества. Вот, оттого, что мозги набекрень, так и живут: по уши в приключениях и в войнах.

Со стороны посмотришь: здорово! Сплошной романтизм, единение с природой и постижение абсолюта. А сам с полгодика эдак промучишься, и сразу домой потянет, в тепло семейного очага, в бочку с теплой водой, подкрашенной лепестками роз, да с морскою солью.

В общем, Нилрем очень глубоко задумался. Сам факт, что некий всезнайка специально перевел книгу, леший знает, с какого языка, и переправил её в Соединенное Королевство, мог не встревожить разве что глупца.

Это означало, что пришло время слияния разных культур. А это, как известно, никогда ни к чему хорошему не приводит.

Может быть, в загадочной Радикулии поклоняются Божественной пятке Не-Хоччу-и-Не-Будду. Или, не дай боги, они закоренелые язычники и прыгают через горящие терновники да молятся на всякие непотребные места.

«Нечисть мы победили, а теперь, похоже, уже сами люди из разных миров кинутся делить между собой земли, титулы, власть. Вот и сходил на пенсию, вкусил заслуженного покоя». – плюнул Мерлин, направляясь в избу.

Зашвырнув злополучный томик на кровать, старик одним махом выпил кувшинчик целебного козьего молока, утер бороду и склонился над хрустальным магическим шаром, что лежал на рабочем столе, на массивной подставке, среди бумаг, рассыпанных порошков нитрата натрия, марганцовки, мышьяка и прочих волшебных вещей первой необходимости.

Внутри шара появилось лицо, знакомое до боли. Это был угрин Уркесюк.

– Привет! – хихикнуло видение.

– Какого хрена?! – взревел Нилрем, точно лось во время гона, в том смысле, мол, чего это здесь делает один из самых мерзких, но известных графоманов и колдунов страны?

– А мы тут плюшками балуемся. – радостно сообщил Уркесюк.

Если бы Мерлин не так сильно обиделся, то он заметил бы, как сильно постарел Уркесюк, как запали его безумные глаза, как стала седой голова, как лицо покрылось сетью морщин.

Да когда ему, Нилрему, было разглядывать этого наглого безработного прохвоста?

– Так это ты? – маг и Уркесюк поняли друг друга с полуслова. Уже не приходилось объяснять, что это именно угрин вынес из иных миров запретные книги.

Но Уркесюк решил слегка позабавиться:

– Я? – усмехнулся угрин. – Не может быть! Это – точно не я.

– Прекрати катать лешего! – Нилрема аж затрясло от гнева.

– Ладно. – улыбка угрина стала шире. – Буду катать лешачку. Это, по крайней мере, интереснее!

– Ты ещё повыеживайся здесь! – Мерлин занес над хрусталем кулак, но вовремя опомнился.

– Дурачина ты, простофиля! – захохотал в шаре Уркесюк. – Давай, стукни меня, ну же!

Нилрем плюнул и плюхнулся на кровать:

– Зачем ты это сделал?

– А что такое? – притворно заволновался угрин. – Кто тебя обидел, уважаемый?

– Так значит, мы ничего не знаем?

– Откуда? – лицо угрина выражало собачью преданность. – Да разве ж я могу себе такое позволить: знать то, о чем ведает лишь сам великий Нилрем?

– Дурак ты. – буркнул старый чародей. – И шутки у тебя дурацкие.

– Зато с ума не сойду. – засмеялся Уркесюк. – Не с чего сходить-то.

«Странно. – неожиданно подумал Мерлин. – Что это с Уркесюком? Как-то он переменился. Всегда был таким злобным, а тут вдруг шутить изволит. Неужели, он все же, призвал из этой Радикулии всадников на нашу голову?»

– Ты научился быть проницательным, старый осел! – лицо угрина исказила застаревшая ненависть. – Это тебе мой подарок. Вот и поломай голову, откуда придут эти пернцы. Ну, все, счастливо оставаться. Меня, поди, заждался благородный идальго дон Педро.

И магический хрусталь погас.

Книга первая

повествующая о благородном идальго Херо дон Педро о таинственных событиях, развернувшихся в родовом замке графа Хренжуйского, истинного рыцаря Костоломии и Радикулиио кознях колдунов злодеев и о мальчишеском благородстве

Часть первая

повествующая о появлении некоего угрина Игрек во времени Икс в родовом замке графства Хренжуйского, и о странных событиях, последовавших вслед за этим знаменательным событием

Глава 1

Было замечательное майское утро. Патлатый прыщавый отрок открыл зеленые, колдовские глаза и сонно хлопнул ресницами. В душе парня пела весна. Мальчишка был молод весел и влюблен. Правда, он еще не знал в кого именно, но это мелкое обстоятельство не могло пробудить печаль. Главное – влюбиться, а найти в кого и за что – дело десятое.

Занятия в школе закончились. Всё! Баста! Никаких тебе экзаменов, раз учился только на «хорошо и отлично». Сразу – в шестой класс. Красота!

«Двадцать третье мая – этот день мы приближали, как могли!» – промурлыкал себе под нос Херо дон Педро и потянулся. Слава богам, можно лениться.

Главное, чтобы отец с матерью – граф и графиня Хренжуйские не заявились; да этот остолоп гувернер Гулливер не попался бы на встречу, а то он мог быть сердитым после вчерашних неумеренных возлияний в себя браги с пивом. И тогда можно было ускользнуть во двор замка, дабы сотворить кучу важных и полезных дел.

Херо почесал в затылке, выполз из перин, с ожесточением стянул с себя ночную пижаму и запустил ею в угол спальни: «Тьфу! Девчоночья одежда! Опять меня одели, когда уснул. Сколько им всем можно твердить, что такое носят лишь самые последние лохи?!»

Дон Педро родился в мае, в аккурат двадцать пятого числа, в двадцать пять часов, двадцать пять минут. Об этом есть запись в метрической книге графства Хренжуйского, Великих Королевств Костоломии и Радикулии. Там черными чернилами по пергаменту ровно, не дрогнувшей рукой прямо так и выведено: «Родила графиня в ночь не то сына, не то дочь».

Нет, не подумайте, что Херо выглядел так же, как три облезлых гоблина и куча поросят. Ничего подобного. Юный дон Педро был ничего себе молодой перец: уши торчком, нос стручком, руки в синяках и царапинах, да под ногтями – ровный слой грязи.

Это писарь был пьян. Его, огульника эдакого, писарчушку вшивого, конечно тут же и обезглавили, да зря. Вши-то, оказывается, на мертвой голове не живут. Но это так, к слову. А то, что написано было пером, не получилось вырубить топором, сколько потом не пытались.

– Скоро у меня день рождения! – грустно вздохнул Херо. – Тринадцать лет, блин! А ничего не сделано для вечности! Дерево я посадил, но пес Барбос его выдрал. Дом я построил, но Гулливер раздавил его, даже не заметив. Этот придурок гувернер, вообще, под ноги не смотрит: его больше заботит, чтобы лбом лишний раз в косяк не тюкнуться! С ребенком – совсем не задалось. Во-первых, на фиг нужно: вся школа дразниться будет. А во-вторых, уж в этих делах спешить не стоит, а то родится уродец – вообще, засмеют.

Но слушать горестные излияния юного графа было некому. Стены, увешанные парадными портретами предков и гобеленов, были безмолвны. Вот так: родишься в мае и будешь, потом, весь век маяться, даже поговорить не с кем.

А за стенами замка парни уже гоняли мяч и весело матерились. Легкий ветерок доносил выкрики типа: «Пасуй, кретин!», и «Куда прешь, мразь!»

И от этого щемило на сердце. Нет, не столько хотелось гонять со сверстниками в футбол, сколько рыцарской славы, победы над драконом.

Да, только в тринадцать лет мальчишка может всерьез думать о том, как он выйдет, весь в драконьей крови, поцелует руку принцессе, и поможет ей сесть на белого коня. Конечно, честно сказать, и в Костоломии, и в Радикулии в десять лет каждый знает, что к чему, но мечтать не запрещается, главное – не трепаться об этом на всех перекрестках.

Натянув штаны, заправив в них белую рубаху с дурацкими манжетами, которые вечно мешали лазить по заборам и деревьям, Херо выглянул в коридор: никого.

Вообще, дон Педро хулиганом не был. Он и яблоки в саду старого Хулио Игната воровал только потому, что не хотел показаться в своей банде «Черная кошка» белой вороной

и неумехой. А, кроме того, юный дон Педро щедро раздавал потом те самые яблоки деревенской и городской бедноте. Просто так, от широты душевной. За это Херо уважали, а недавно даже выбрали главарем.

Вынырнув из-за двери, юный граф скользнул к лестнице. Ни-ко-го! Красота!!! Херо тут же уселся на перилла и радостно поехал вниз, набирая скорость.

Хрясь! Это штаны зацепились за шляпку гвоздя. Боги! Какой идиот его сюда вколотил?! Здесь отродясь гвоздей не бывало! Все держалось на деревянном клее, варенном из хмеля. Значит, в замке Хренжуйском появился враг или завистник.

Ну, попадись только Херу этот шутник, – сразу узнает, где зимуют и раки, и устрицы и прочие земноводные в купе с гадами ползучими!

Надо было бы вернуться, переодеться, но дверь на втором этаже предательски скрипнула.

Херо успел доехать с пятого этажа до третьего, поэтому ему пришлось спрятаться за массивными золочеными дверями и сделать вид, что он, юный граф, просто устал и привалился к стене, которая, по чистой случайности, оказалась прикрыта от нескромных глаз дверями.

Лестница заскрипела. Это был точно кто-то чужой! Во-первых, шаркать ногами в замке не разрешается; а во-вторых, никто не смеет так громко сопеть и бурчать под нос, мол, какое здесь кретинское место. Тут поневоле задумаешься: что происходит, и откуда критик такой выискался?

Херо сунул нос в щель между дверью и петлями и принялся всматриваться.

Вскоре на лестнице показался то ли шут, то ли ярмарочный уродец. Это существо и на человека-то не походило. Во-первых, кожа незнакомца была зеленой, – наверное, от злости. Во-вторых, нос нависал над узкою щелью рта точно спелая груша. Да еще волосы торчали во все стороны, точно пришелец специально сварганил самую модную прическу Костоломии «я упала с сеновала, тормозить блин не смогла». Глазища маленькие, как у поросенка, злые, черные, точно тлеющие угли, – бегали из стороны в сторону, словно искали кого. В общем, и ежику стало бы понятно, что это враги пожаловали, или убийцы, или просто воры. Так и эдак – стремно.

Херо прикрыл рот ладошкой – чтобы случайно не закричать от радостного возбуждения: вот оно, время Подвига!

А незнакомец яростно почесал затылок, и плюнул на пол.

Херо дон Педро от такого наглого поведения гостя едва не шмякнулся в обморок. Никто не смел себя так вести в замке Хренжуйском! Это вам не тут, это – родовое поместье, а не хлев для свиней! Нет, у Херо своя голова за плечами. Он никому не позволит нарушать безобразия в своем присутствии!… Наверное.

Пока мальчишка думал и строил планы мести, вражина харкнул еще раз: то ли сказывался недостаток воспитания, то ли это был хронический насморк – Херо было плевать.

Юный дон Педро уже хотел уже выскочить из своего укрытия и вызвать наглеца на дуэль. А что? Легко! Вот только шпаги под рукой не оказалось, да фехтование преподавать начнут лишь в следующем учебном году, вместе с верховой ездой. И еще в порванных штанах драться не удобно – вдруг девчонки увидят – засмеют. А так, если бы не эти пустяки, ни что не смогло бы сдержать бурю праведного мальчишеского гнева!

И тут ударили часы. Один, два, три… десять. Незнакомец кисло состроил рожицу, повел заостренными кверху ушами и быстро прошмыгнул наверх.

Херо потряс головою и выглянул из своего укрытия. Все: путь наверх отрезан. Придется ходить в драных штанах. Обидно. Там не такая уж большая дырка, под ней все едино – рубаха, но все же: потомок древнего Хренжуйского рода – это вам не собака порылась.

«Заговор!» – посетила дон Педро первая разумная мысль. А что еще можно было подумать в подобной ситуации? И Херо со всех ног помчался по коридору третьего этажа, прямиком к потайной лестнице.

Взрослые, если честно, всегда такие смешные. Во-первых, они всегда считают себя самыми умными. А во-вторых, они никогда не знают, что творится у них под самым носом.

Херо мог отдать на отсечение голову гувернера Гулливера, что ни одна живая душа, кроме, естественно, самого юного графа, не знала об этом потайном ходе.

Сам Херо открыл тайный путь недавно и совершенно случайно. Из природной вредности он стащил помойное ведро у дочери поварихи – милой белокурой девочки с голубыми глазами, которая так красиво улыбалась, что душа у Херо падала вниз, в самые пятки, и даже ещё ниже – в землю. И сладостная дрожь била мальчишку, едва он видел эту девочку. А звали эту прелестницу Дурьсинеей.

Правда, Херо почему-то не нравилось, когда его любимицу окликали Дурьей. Так вот, выхватив мусорное ведро у Дурьсинеи, Херо с топотом и гамом понесся по помойке в сторону родового замка. И надо же ему было оступиться, вляпаться ногой в кучу свиного помета. Когда очень спешишь, это может случиться с каждым, даже с графом. Не в этом суть.

Просто, под зловонной жижей оказалась дверь, которая и открылась. И Херо рухнул вниз, облитый, простите светлые боги, всяким дерьмом. А подлая ловушка-проход тут же захлопнулась.

В общем, когда Херо, благоухая, как сад поздней осенью, во время подкормки земли, ввалился в тронный зал, никто и не подумал спросить наследника графской короны, где это он так перепачкался, и почему в его руках оказалось помойное ведро. Слава богам, послы не видели этого позора.

А Херо потом целый день пытался отмыться, да все без толку. Запах точно въелся в кожу. Девчонки потом еще три дня смеялись и показывали пальцем. Парни многозначительно хмыкали и говорили: «А Херо-то слегка обделался. Фу, как воняет. Это он, наверное, крысу увидел».

С одним из таких шутников Херо даже подрался. И смешки поутихли. Но это было давно.

Сейчас же, погожим майским деньком, Херо отогнул гобелен, уперся лбом в каменную кладку, постучал этим самым челом по стене и сказал выдуманную самим же страшную магическую формулу: «Полное свинство».

Стена покачнулась и отошла в сторону. Собственно, дверь открывалась нормально, но так, с приговорами, было намного интереснее. Юный граф скользнул во влажный сумрак. Потайная дверь тут же автоматически захлопнулась.

Уж кто-кто, а Херо всегда был первым во всяких героических мальчишеских подвигах. Боги, как страшно было в первый раз, в семь-то лет, лезть в заброшенный погребок. Кто ж знал, что это погреб? Яма, провал среди земли, дыра, уводящая куда-то вбок. Ничего не видно. А вокруг – лишь пустырь, да полынь выше макушки, бес все побери!

Зато сколько было радости, когда Херо нащупал руками стены, и понял, что попал вовсе не в логово тролля, а в заброшенный погреб! С тех пор много воды во рве застоялось. И Херо уже облазил все двадцать три знаменитые пещеры в скале Свиняра, в которой, как утверждала молва, когда-то жили дракон и гоблины. Ничего Херо в тех пещерах, естественно, не нашел: ни костей, ни золота; лишь битые кувшины из-под пива да хребты сушеной воблы.

В общем, юный дон Педро был закоренелым, матерым ходоком по подземельям и тайным тропам. Но Херо всякий раз пробирал озноб, когда он слышал, как закрываются двери, или когда во мгле терялся последний лучик света. Вздрогнул дон Педро и на этот раз. Но честь благородного дворянина звала вперед: к новым победам и свершениям.

– Ура-а-а!!! – не нашел ничего умнее, как завопить во всю глотку Херо, так, на всякий случай: вдруг кругом затаились враги. И мальчишка помчался сквозь мрак.

Дорогу, естественно, Херо толком не знал, а потому трижды впечатался лбом в стену, семь раз ударил коленями по выступающим камням, девять раз упал и содрал кожу с локтей и ладоней. Тьфу, прямо как маленький. Обидно.

В синяках Херо ходил лет до десяти, а это было так давно! Сейчас Херо жутко взрослый и очень важный, ему даже девочки уже нравились. Не все конечно. С ними и в «войнушку» не поиграть. Впрочем, в 13 лет носиться с деревянными шпагами – фу-у-у, позорище! Но еще хуже возиться с куклами. Девчонки, слава богам, как-то слегка подросли, стали немного другими: красятся, пудрятся, нос задирают, словно знают что-то очень важное. Ну, да боги с ними, с девчонками.

Все! Прибежал. Уф! Никто не напал.

Херо остановился, задержал дыхание и окончательно перестал думать о девчонках. Пусть себе задаются. У него, у Херо, есть целое графство, а сейчас он раскрывает важное государственное преступление. Ха, это мальчишкам даже не снилось! Сейчас он, Херо, все расскажет отцу, бандита поймают и все узнают, какой дон Педро мужественный и отважный.

Херо вновь приложился лбом, прошептал очередной выдуманный самим же пароль: «Ни рогов, ни копыт», и шагнул из темноты.

Мальчик оказался в подсобной комнатушке, что граничила с рабочим кабинетом отца. Здесь валялись книги, пергаментные свитки, старая графская печать, геральдические эскизы. В общем, весь тот хлам, что уже и не нужен, и выбросить жалко.

Опля! На красном бархатном кресле, закинув ногу на ногу, сидел тот самый вислоносый гость. Кожа его приобрела нормальный оттенок: возможно, зеленым этот красавец был не от злости, а от смены климата.

– Здравствуй, здравствуй, Херо мордастый! – радостно оскалился незнакомец. – Давненько я тут тебя поджидаю.

– Врешь! – не выдержал дон Педро. – Ты только что сел: я видел, как ты по лестнице поднимался!

– Велик и могуч Костосломский язык. – покачал головою пришелец. – Вместо слова «врешь» благородному идальго следует употреблять сочетания типа: «Позволю себе усомниться в правдивости ваших слов». Или что-то вроде этого. Эх, и чему вас нынче в школе учат?

– У нас каникулы. – привычно огрызнулся Херо. – Имею право говорить, что думаю.

– Может быть. Всё может быть. – снова покачал головою гость. – Давай познакомимся, раз уж мы так случайно встретились. Меня зовут Уркесюк. Я очень красивый, а главное – умный до безобразия. А сколько женских сердец разбилось у моих ног, ты себе даже не представляешь!

– Оно и видно. – буркнул Херо. – Оттого все лапы шерстью и поросли.

Уркесюк торопливо одернул задравшуюся штанину, позеленел и прошипел:

– Не смей грубить старшим!

– А ты не смей орать на будущего графа Хренжуйского!

Гость вскочил с кресла, но тут же сел обратно. Судя по тому, как пальцы незнакомца сжались на подлокотниках сидения, было видно, что этот Уркесюк с трудом сдерживает шквал ураганных мыслей и весьма нелестных слов.

– Я здесь, чтобы просить Вас, – Уркесюк с трудом сглотнул: очень уж тяжело далась ему уважительная форма обращения к какому-то мальчишке, – дабы вы победили дракона в нашей стране, освободили принцессу, и спасли наш народ.

– И женился бы на принцессе, как дурак. – буркнул Херо. – Не верю! Ни единому слову не верю!

– И правильно делаешь! – Уркесюк буравил мальчишку злобным взглядом. – Никогда не доверяй незнакомцам.

Херо сделал шаг назад: поближе к потайной двери и приготовился закричать. Нет, конечно, визжат одни только девчонки, но нужно же как-то известить отца, что прямо в замке находится враг.

– Войдите! – хлопнул в ладоши Уркесюк.

Двери открылись, точно по мановению волшебной палочки. На пороге стояли папа и мама Херо. Они улыбались и ласково смотрели на сына.

– Что, Херюшка, испугался? – спросила мама. – Не бойся. Это угрин, а угрины всегда так странно выглядят. Когда-то Уркесюк был свидетелем на нашей свадьбе, так что не стоит ему хамить. Он наш лучший друг. И в замке он по нашему приглашению.

– Да. – подтвердил папа, привычно расправляя усы и бакенбарды. – Уркесюк наш гость, сделай для него, все, о чем тебя попросят. Но попозже. А сейчас – пойди, поиграй. Нам тут нужно потолковать по-свойски, по-мужски.

Херо недовольно хмыкнул: все старания пошли прахом! И никакой это не злобный шпион, а всего лишь папин знакомый. Странный, конечно, неприятный, но что же делать?!

Пришлось бочком, чтобы мать не увидела ссадины на руках и дыру на штанах, просочиться мимо взрослых и проскользнуть в рабочий кабинет да в коридор.

Надо же: чуть не опозорился. Вечно у отца какие-то странные знакомые. Да вот еще родители на днях моду завели: лягушек жрать. Тьфу! Устрицами их называют. Они бы еще жаб и ужей глотать приказали, изверги. Вот, видать, откуда такая дурацкая мода – Уркесюк занес. Больше и некому. Того и гляди, скоро в замке тараканов жарить начнут и пауков фаршировать!

Через десять минут Херо был в новых штанах. Юного графа терзали стыд и сомнения. Странным казалось, что родители, такие большие, умные и величественные могли явиться по одному хлопку Уркесюка. Уж не колдун ли этот угрин?

Впрочем, гувернер Гулливер всегда утверждал, что обезьяны произошли от людей, а магия – от страха и глупости. Ну откуда в Костоломии – стране замков и мельниц, могли взяться настоящие волшебники? Ха, это все детские сказки, и ничего более… И, все же, смутные подозрения не оставляли Херо.

«Надо все разнюхать!» – принял мужественное решение дон Педро, и подошел к старинному комоду.

Что хранится в заветных тайниках мальчиков? Правильно: всякие полезные штучки. Там есть старинные монеты, пуговицы от камзолов стражи, бляшки от ремней, сушеные жуки и богомолы, игрушечные мечи, кинжалы, старые кокарды, султаны со шлемов, пустые раковины, в которых поёт море.

А еще у каждого уважающего себя парня есть веревка, молоток, кусок сушеного собачьего сала… Нет, это не набор висельника, все это – нужные вещи! Необходимые в быту так же, как складные карманные ножики, разноцветные камушки, пробки от кувшинов.

Херо перерыл свое богатство, полюбовался на осколок древнего меча, которым, как говорил дедушка, был убит дракон.

Дедушка, наверное, все выдумал, но обломок, как ни верти, был настоящим, на нем можно было даже различить странные символы и буквы…

Вот оно, искомое: веревка, прадедушкин, побитый молью черный плащ, настоящий морской серебряный кортик, выменянный на кучу радикульских монет и шлем рыцаря Одессита, и главное – самодельная карнавальная повязка, маска на лицо.

Херо тут же облачился благородным идальго, токмо лошади у него не было и лат, ну да это мелочи. Главное: настоящие разведчики непременно должны кутаться именно в черные плащи!

Несколько минут дон Педро привязывал веревку к крюку, который был тайно вколочен у пола, сразу под окном.

Ха! Родители думали, что решетка на окне убережет сына от ночных убийц. Ерунда! Сам Херо только так проскальзывал через нее год назад. Давненько это было.

Дон Педро толкнул раму окна. Холодный ветер со свистом ворвался в детскую спальню и взъерошил черные волосы мальчугана.

«Я уже очень взрослый и умный! – подумал Херо. – Мне уже тринадцать лет, почти. Другие парни в это время уже сражались с троллями, а я тут сижу и прохлаждаюсь, точно красная девица! Вперед, к славе!»

И юный герой, обмотавшись свободным концом веревки вокруг пояса, стал протискиваться между решеток.

Что за черт! Ведь всегда было так: главное, чтобы голова прошла, а уж тело проскользнет. А тут, как на грех, голова прошла, а тело – ни в какую. Смешно сказать – грудь не пускает. Были бы там тренированные мышцы – не так обидно, а то – кожа да кости!

И все же Херо проскользнул. Правда, живот сдавило веревкой, но это не смертельно, да плащ зацепился за решетку, так, что едва не треснул пополам. Но все это такие мелочи, по сравнению с тем восторгом, что испытывал Херо, спускаясь по веревке.

Дон Педро просто распирало от гордости. Впрочем, кое-что все же тревожило юный ум. Спустившись вниз примерно на один этаж, Херо понял, что давно не занимался спортом, а зря. Лоб покрылся испариной, руки дрожали, стали влажными. Канат все время раскачивался, плащ путался под ногами, кинжал мешал, шляпа свалилась с головы и висела где-то внизу на кустах черемухи.

В общем, оказывается, не графское это дело – по веревкам спускаться. Год назад, когда Херо проскальзывал через решетку, он по веревкам-то не лазил, а просто переступил на карниз другого окна и подглядывал за Дурьсинеей, как та играла с деревянною куклой.

Сейчас же все изменилось. Прочитав за этот год три рыцарских романа, Херо усвоил, что благородные идальго к даме входят только через окно, но не так просто, перешагнув с подоконника, а именно преодолевая трудности и препятствия, поднимаясь по канатам. Тут спускаться-то – замаешься! И кто только все это навыдумывал?!

Внизу хрустнула ветка: засекли! Херо хотел глянуть, кто там или что, но голова закружилась, руки ослабли и скользнули по канату.

У-у-уххх! – и дон Педро приземлился. Весьма неудачно – прямо в заросли крапивы. Ладони горели: их жгла нестерпимая боль. Надо же было оказаться таким дураком?! Эх, что теперь об этом?

– Ну-с, и как это понимать? – над Херо возвышался гувернер Гулливер. – Я отвечаю перед родителями за Вашу жизнь и образование, а Вы изволите из окон прыгать.

– Я нечаянно выпал. – соврал Херо. – Я не хотел. Честное слово!

Выбираясь из крапивы, поправляя пергаментную маску, Херо состроил на своем лице выражение оскорбленной добродетели.

– И кого Вы собираетесь преследовать на этот раз? – Гулливер был непреклонен и зол: видимо, еще не похмелился.

– В наш замок пробрался страшный колдун угрин Уркесюк. – выпалил Херо и погрозил в пустоту кулачком. – Он заколдовал моих родителей!

– Понятно. – усмехнулся гувернер. – А двери на что? Вы пока не умеете летать аки птица.

– Я еще не граф, я только учусь. – буркнул обиженный Херо.

– Я в ваши годы уже за девочками ухаживал, стихи писал. – не унимался зануда Гулливер, а не рвал штаны на заборах.

«Мать все же видела дыру, вот и распекла Гулливера». – понял дон Педро и тяжело вздохнул. Всегда так: хоть бы раз повезло.

– А теперь марш наверх к тете Розе. Она обработает тебе руки спиртом и перевяжет.

– Ладно. – буркнул Херо: настроение его было безнадежно испорчено.

– Если не будешь вопить на весь замок, так и быть, не скажу, чем ты тут занимался. – голос Гулливера слегка потеплел. – Я, если честно, в двенадцать-то лет и не такое вытворял. Но: ты этого не знаешь, а я – ничего не говорил.

– Ладно. – радостно мотнул головою Херо. – Будем считать, что я просто порезался.

– Перочинным ножичком и обе руки сразу! – засмеялся Гулливер. – Ну, ты силен! Говори, что хочешь, только меня в глупое положение не ставь.

Глава 2

Выйдя от тети Розы, – веселой толстушки с красивым голосом и лукавыми глазами, – Херо сбежал вниз по лестнице и вышел, наконец-таки, во двор.

Обогнув сад, дон Педро столкнулся со стражником. Нет, охранник не преграждал путь, а деловито мочился у стены. Херо, воспользовавшись моментом, прошмыгнул за стены замка, тут же растворившись в толчее площадного базара.

Вид у дона Педро был неприметный, как у истинного разведчика. А то, что молодые девушки переглядывались, вежливо кланялись, а после хихикали в кулачки, ни о чем не говорило. Как они могли узнать наследника, если он был в шляпе, черном плаще и маске? Это девчонки так, из природной вредности, смеялись.

Подойдя к лавке с товаром, Херо сказал:

– Добрый день тебе, торговец.

– С добрым утром, дон Педро! – широко улыбнулся купец, показав двадцать два золотых вставных зуба.

– Т-с-с-с!!! – прижал к губам палец Херо. – Как вы меня узнали?

– Плох тот купец, который не видит своих властелинов и налоговых инспекторов. – снова усмехнулся торговец. – Вы хотели что-то приобрести или совета спросить?

– Мне нужна… м-м-м… – дон Педро задумался. Деньги у него были, а говорить с купцом, ничего не покупая при этом – очень подозрительно. – Да, мне нужна книга про угринов.

– Простите, про кого? – торговец покрылся холодным потом, мучительно соображая, есть ли у него хоть что-нибудь подобное.

– Ну, тогда сонного зелья. – буркнул Херо, понимая, что об угринах впервые слышит не он один.

– С превеликим удовольствием, но для этого требуется жир болотной жабы, а его вчера весь скупила дочь вашей поварихи, Дурьсинея, если не ошибаюсь.

– Ты врешь. – полыхнул Херо.

– Почему? – удивился купец. – Этим жиром сводят бородавки, а у поварихи, простите, эти самые бородавки есть.

– Ну да. – стушевался Херо: он-то подумал, что Дурьсинею хотят обвинить в колдовстве. – Да продай же мне что-нибудь! На нас начинают пялиться.

Купец окинул юного графа внимательным взглядом и достал из-под полы настоящую дагу – короткий такой меч для горожан. Эта дага смотрелась на бедре Херо как настоящий боевой меч.

– Ух, ты! – глаза дон Педро загорелись.

– Я бы мог подарить Вам это оружие, но вы же путешествуете инкогнито, я не хочу показать, что знаю, кто вы на самом деле.

Херо хмыкнул и ссыпал на прилавок пять золотых монет.

– Благодарю. – и купец снова расплылся в улыбке.

А Херо уже несся с покупкой в замок. Теперь мальчишка был вооружен с ног до головы, и никто ему больше не страшен: ни Уркесюк, ни Гулливер!

Тайно покинув замок, парень понимал, что было бы глупо появиться при оружии через центральный вход. Херо, как истинный проныра графства Хренжуйского прекрасно знал, какой камень нужно отвалить, чтобы проникнуть за стены. Этим лазом обычно пользовались гвардейцы. По ночам стражи по очереди уходили в город попить пивка, пощупать гулящих девок. Да об этом все знали.

Вынырнув по другую сторону замковой стены, Херо тенью шмыгнул в старенькую развалюху, в которой жила семья лакеев. Родители, само собой, в этот момент находились в замке при исполнении служебных обязанностей.

В детской комнате играли десятилетний мальчик Варт и семилетняя девочка Минерва. Варт – это сокращенное имя Артура. А всем известно, что тур и свирепый черный бык – почти одно и тоже. Варт на быка не смахивал: тощий, с острыми локтями и коленями – он походил более на кузнечика. Огромные карие глаза были до неприличия добрыми, почти девчоночьими. Поэтому Варта дразнили коровой. Мальчик не обижался, лишь пожимал плечами: что с дураков взять?

Но вот однажды Херо услышал, как Минерву обозвали стервой. Это было полгода назад. У Херо тогда кровь хлынула к голове. Не помня себя, юный граф кинулся на обидчика, поставил ему фингал, и разбил до крови нос. После этого случая за спиной Херо шептались, что он просто влюбился, но Минерву дразнить побаивались. Сама же девочка после этого случая изменилась: расправила свои хрупкие плечи и даже иногда не заплетала по утрам свои волосы в косу.

– Привет! – с порога крикнул Херо.

– А, это ты. – Варт, как всегда, был немного рассеян и меланхоличен.

Зато Минерва вспыхнула и сказала:

– З-здравствуй!

Вообще, девочка не заикалась, но при виде Херо мысли её путались. Сам дон Педро пока ничего не замечал и считал, что все в порядке вещей.

Варт скептически осмотрел боевой наряд Херо и глубокомысленно изрек:

– А меня за такое могут и выпороть.

Дон Педро, оскорбленный в своих лучших чувствах, даже поперхнулся:

– Я тебя пока переодеваться и не просил!

– Да ладно. – махнул рукою Варт. – Не первый же день я тебя вижу.

Херо разозлился. Он, дон Педро, почти граф, да еще на два с половиною года старше Варта, а, поди ж ты: опять нос утерли!

– Нет, ты только посмотри, что я только что купил! – Херо вытащил из ножен дагу.

– Ну и дурак. – пожал плечами Варт. – Гулливер отберет. И от матери на орехи достанется.

Минерва же робко подошла, осмотрела меч, потрогала его пальчиком и спросила:

– А з-зачем ты так странно од-делся?

– Ах, это! – небрежно махнул рукой Херо. – Сегодня я лазутчик. Мне удалось раскрыть заговор против Костоломии.

– Да? – Варт ни капельки не был удивлен, он спокойно собирал кубики и куклы Минервы в ящик. – А мы, стало быть, теперь – группа захвата?

– Ну-у-у… – промямлил дон Педро. – Что-то вроде того.

– Ясно. – Варт запихнул ящик с игрушками под кровать. – И что мы будем делать?

– Варт, это очень серьезно!

– Я понимаю. – сын лакея оставался невозмутимым.

– Я сегодня столкнулся с угрином, который околдовал моих родителей!

– В самом деле? – Варт позволил себе легкую улыбку.

– А к-кто такой угрин? – Минерва преданно заглянула в глаза своему старому спасителю.

– Ну, он такой, иногда бывает зеленым. – Херо мучительно пытался описать своего странного гостя.

– Так это жаб-царевич, наверное. – Варт сел на стул и подпер подбородок кулаком.

Враки господина называли детскими фантазиями. Их принято было выслушивать до конца.

– Ч-чего ты смеешься? – вступилась за Херо Минерва. – Видишь, он руки поранил в бою с этим угрином.

– Да нет. – дон Педро покраснел. – Это я с веревки сорвался. Дело не в этом.

Варт тактично промолчал.

– Угрина зовут Уркесюком. Он почти человек, только некрасивый: нос висит как сопля, волосенки редкие, уши – острые, ноги мохнатые. Уродец, в общем. – Херо помялся и добавил. – Я его видел на лестнице, а потом столкнулся с ним в рабочем кабинете отца.

– Ах, ты вон про кого. – Варт почесал лоб. – Уркесюк – это герцог Радикулии. Кажется, его герцогство называется то ли Франкенштейн, то ли Лихтенштейн – точно не помню. Он приехал поздно ночью, часа в три или четыре, до первых петухов. Вот ты ничего и не знал.

После этого заявления настроение Херо заметно упало:

– Правда, что ли?

– Да я сам отводил его коней в стойло. – Варт зевнул. – Так что можешь успокоиться.

Теперь Херо стало все ясно: герцога соседнего королевства, да еще и свидетеля на свадьбе должно было уважать. А, кроме того, взрослые могли и договориться между собой, чтобы пошутить над Херо. Впрочем, кто это сказал, что Уркесюк – вор или лазутчик? Если он герцог, то и замок у него может быть лучше. Вот он и плевался. Только-то и всего… Эх, обидно!

– Может быть, ты и прав. – вздохнул Херо и снял с себя шляпу и очки, вырезанные из пергамента. – Дарю!

Варт ничего не успел ответить, как Минерва тут же приняла подарок и вежливо пролопотала:

– Б-благодарю.

Дон Педро нахмурился. Конечно, было очень лестно, что эта малышка увивается вокруг, но Херо давно решил, что его дамой сердца будет Дурьсинея, и никто другой! Эх, вот она – взрослая жизнь: одни проблемы! Но мысль пришла в голову мальчишки, да тут же хвостиком и вильнула. У дон Педро было много других проблем. Варт тоже заметил, как покраснела Минерва, но он был очень умным, а потому предпочитал помалкивать в тряпочку.

– Нас ждут великие дела! – хорохорился Херо.

Варт задумчиво грыз ногти.

Минерва утащила шляпу и очки к себе в ящик комода и теперь восхищенно следила за тем, как махал руками её кумир. А Херо несло:

– Мы создадим армию! Вокруг нас одни переодетые гоблины! Мы соберем цвет рыцарства и ударим по разгильдяйству и пьянству. Мы сегодня же отправимся на поиски подлого дракона и прикончим его в логове. А золото, которое сторожил подлый змеюка, пойдет на строительство каруселей для всех детей графства!

– Тебя на сколько отпустили? – мрачно поинтересовался Варт.

– Чего? – не понял Херо, сбитый с толку.

– Домой ты пойдешь к обеду или к ужину?

– Я никому ничего не обещал! – мрачно выдавил Херо.

– Понимаю. – пожал плечами Варт. – Но если я увяжусь за тобой, то придется взять и Минерву. Её не кого оставить.

– Я уже б-большая! – обиделась девочка и надула губы. – Могу и сама п-посидеть. Очень-то мне надо с вами по всяким п-помойкам таскаться!

– Не по помойкам. – сказал было Херо, и тут же осекся, вспомнив, как именно он обнаружил потайной ход, ведущий в кабинет отца.

Варт, знавший об этой истории сделал вид, что он ничего сестре не рассказывал. Но Херо мгновенно все понял.

– Я напишу записку твоим родителям, Варт. – сказал дон Педро глухо. – Я их будущий повелитель, со мной вам можно гулять хоть до завтрашнего утра!

– Пиши. – согласился Варт. – Только когда вернемся, загляни к нам и объясни отцу чего ты там накалякал.

Херо покраснел: он опять забыл, что лакеи в замке читать не умели. Но, верный своему слову, дон Педро вытащил из сапога кусок пергамента и выцарапал на нем дагой:

«Варт и Минерва ушли со мной гулять. Будем поздно.

Херо дон Педро».

Кинув записку на стол, юный граф мотнул головою:

– Ну, пошли?

Варт посмотрел на записку и сказал сестре:

– Хватит дуться, пойдем. Чего тебе делать здесь одной?

– Не п-пойду! – сердилась Минерва. – Об-бойдусь и без вас.

– Пожалуйста, пойдем. – сказал Херо. – Я не хотел тебя обидеть. Извини уж.

Минерва просияла, но тут же спрятала довольную улыбку:

– Ну, р-раз уж вы оба так н-настаиваете. – и троица искателей приключений вышла из хижины, закрыв пробой двери палочкой.

Нет, воры в графстве, конечно, были, но все они были какими-то благородными: у бедных людей последнее не отбирали. А попрошайки за стенки замка проникнуть не могли. Все-таки гвардейцы время от времени прочесывали охраняемую местность.

Это только сам Херо думал, что никто не видел, как он уходил и вернулся. На самом деле на каждой башне стояли дозорные. Просто у них был приказ графа: «Не мешать развлекаться юному повелителю».

Глава 3

Херо поднялся на гору первым. Минерва пыхтела от усталости: у неё болели ноги, но признаться в этом она не могла. Варт, знавший о болезни сестры ковылял последним на тот случай, если девчонке станет совсем плохо.

– Вот и пришли. – дон Педро остановился у зияющего провала пещеры. – Здесь, точно, поселился дракон. Мне донесли, что вчера отсюда валил дым!

Варт хмыкнул, но промолчал.

Драконов не существует, об этом знает каждый, но спорить с Херо было занятием бессмысленным и бесполезным. У наследника графской короны всегда больше времени для чтения книг, выдумок и прочих глупостей. Да и Минерва, когда выяснилось, что она больна, стала какой-то нервной, капризной. Пусть слушает. Может быть, ей так легче.

Гора называлась Свиняра. Говорят, в незапамятные времена, когда первый граф Хренжуйский пришел с ополчением в эти земли, скала была покрыта очень густым лесом, в котором жили дикие кабаны.

Рыцари в те времена вынуждены были сражаться не с благородными змеями, дышащими огнем, а с дикими свиньями. И в этом позора не было, потому что кабаны-секачи оказались очень сильными, кровожадными и свирепыми.

С тех пор гора и носила это гордое имя Свиняра. Лес за столетия сильно поредел, – вырубили на нужды города, но таинственные пещеры – остались.

Легенды утверждали, что только на Свиняре и только 22 июня, в день Летнего Солнцемолчания, колдовским пламенем цвел папоротник, а из пещер выходили свирепые духи убиенных кабанов. Они, эти свиньи, устраивали страшный шабаш с ритуальным поеданием украденных у крестьян младенцев и маленьких детей.

Ходить на Свиняру без взрослых запрещалось, да только кто же их, родителей-то, слушает? На горе бывали все, а потом хвастались друг перед другом своею храбростью. Мальчишки одинаковы везде.

Провал пещеры манил, звал к подвигам и приключениям!

Мальчишки впервые облюбовали пещеру два года назад. В принципе, ничего интересного: лишь ледяные сосульки да холод.

Но Минерва была здесь впервые. Ей все казалось любопытным, романтическим и немного странным.

«Если бы здесь жил даже виверн. – грустно подумал Варт, то он бы просто съел бы всех нас троих, и не поморщился бы. Дракона нельзя победить в открытом бою. Это же, в конце концов, не кабан и не медведь. А то вон, Тора – кузена кузнеца, в прошлом году медведь порвал, – едва ведь потом выходили. А Тор был двадцати пяти лет от роду, и с топором, а не с какой-то там дагой».

– Я знаю, Уркесюк, на самом деле, не настоящий герцог! Он пришел к нам через тайные ворота и оставил их сторожить подлую змеюку. Мы обязательно должны найти этого дракона и эти страшные двери! – Херо уже сам начинал верить в свои сказки, и от этого легкий холодок пробежал у него по спине: вдруг, это не просто трёп, а правда?

– И мы п-пойдем в сказочную ст-трану угринов? – глаза Минервы восхищенно блеснули.

– Конечно! – и Херо полез в известный только ему одному тайник.

Через несколько мгновений дон Педро извлек на свет четыре просмоленных факела, принесенных сюда еще на прошлой неделе, и нож. А также сухие прутья.

– Сейчас мы будем добывать огонь! – Херо задрал нос и принялся тереть сухие прутья.

Боги! Боль полоснула по незажившим ладоням так, что на глаза навернулись слезы.

Варт молча отобрал у друга прутья, и сам занялся разведением огня.

– Б-больно, да? – Минерва преданно заглянула в глаза своего кумира.

– Не то, чтобы очень. – пожал плечами Херо.

Через несколько минут из-под пальцев Варта вырвалась искра. Специально прихваченный с собою кусок пергамента полыхнул. И уже от этого огня подожгли факел, который принялся гудеть ровно и монотонно, слегка потрескивая и брызгая горячими искрами.

Можно было идти.

Мальчишки знали, что прогулка много времени не займет. Но в пещере могло поселиться какое-нибудь чудовище. Тот же самый обычный медведь. Поэтому парни взяли по зажженному факелу, а Херо даже обнажил дагу, словно, и в самом деле, сумел бы ею воспользоваться. Варт взял нож. А Минерве поручили нести два оставшихся не зажженных факела. Мальчишки прекрасно знали, как страшно оказаться, пусть в маленькой, но неосвещенной пещере, да еще с девчонкой, которая могла разреветься.

– За мной! – усмехнулся Херо. – Порубим дракона на куски!

Во влажный мрак подземелий будущий граф ступил первым. За ним гордо вышагивала Минерва. И замыкал шествие Варт.

Пещера была огромной. Её залы и коридоры чем-то напоминали замок. Под ногами хлюпала вода, ручейком сбегавшая вниз. Вглубь пещеры вела утрамбованная сотнями детских ног тропа.

– Ой! – вдруг сказала Минерва. – А здесь что: з-зима?

– Почему? – оторопел Херо.

– Я вижу, как п-пар идет у меня из н-носа. А вон – с-сосульки.

И, в самом деле, впереди, в ровном свете слегка танцующих факелов, виднелись сталактиты и сталагмиты, чем-то напоминающие клыки дракона.

– А мы не в п-пасти заколдованного ч-чудища? – тихо поинтересовалась Минерва.

Херо даже вздрогнул от подобного предположения: а ведь, правда, – похоже! Раньше как-то об этом никогда не думалось. Ну, сосульки – и сосульки.

Но ручеек все так же тихо струился подле самой дорожки. Странно – глыбы льда и тут же вода. Но здесь так было всегда. «Может, это и есть самое настоящее волшебство живой природы?» – невольно подумал дон Педро.

– Нет, это не пасть. – спокойно ответил за Херо Варт. – Это просто пещера. Даже заколдованные чудища не могут столько лет держать свою пасть открытой.

«Действительно, это просто пещера». – подумал Херо, и в очередной раз уязвленное самолюбие напомнило дон Педро, что ему, юному графу, на днях исполнится целых тринадцать лет, а Варт, оказывается, соображает куда быстрее. Обидно как-то.

Пещера походила на бальную залу – такой же куполообразный потолок, только посередине – куча камней, лежащих со времен последнего обвала. Впрочем, в замке и стены более ровные и не такие склизкие.

– И где же д-дракон?! – голос Минервы эхом ударил в потолок.

– Тихо! – прошипели на девочку оба парня. – Говори шепотом.

– П-почему? – Минерву, в самом деле, удивила реакция мальчишек.

– Эхо. – пояснил Варт. – Оно может вызвать камнепад прямо нам на головы. А это пострашнее дракона.

– Ну да. – был вынужден признать правоту друга Херо. – Лучше помолчать.

– Г-гадкие вы! – снова надулась Минерва. – Могли бы и р-раньше предупредить.

Парни тактично промолчали.

Пещера сузилась до туннеля, и вскоре снова превратилась в зал. Сталактитов здесь стало больше. Некоторые из них срастались со сталагмитами так, что образовывали странные колонны – тонкие в центре и толстые сверху и снизу.

Под самым потолком, точно маленькая комнатка, была выбоина, пещерка. В ней хорошо было играть в домик. Сорванцы города постарались и собственноручно выдолбили туда девять ступеней.

Там, наверху был штаб шпаны: стоял старенький, сколоченный неизвестно кем, стол, четыре табуретки и гора рваных зимних шуб – ночлежка для бездомных.

В этой импровизированной комнатке, как раз между «кроватью» и столом, высился каменный уступ, шип, напоминающий человеческую фигуру.

– Ой! – сдавлено прохрипела Минерва, указывая пальцем на эту природную колонну. – З-здесь кто-то есть.

Мальчишки разом повернулись в указанное направление и тут же тихо выдохнули:

– Ерунда!

– Это камень. – пояснил Херо.

– А ч-что, дракон ушел в лес, ох-хотится на оленей?

– Почему? – дон Педро не сразу понял логику девчонки.

– Ну, стол остал-лся, лежанка.

– Ах, это! – Херо опять почувствовал себя хозяином положения. – Это наш тайный штаб. Мы иногда здесь встречаемся и обсуждаем военные планы.

– А мама-то не з-знает. – и Минерва укоризненно посмотрела на брата.

Варт сделал вид, что очень занят рассматриванием пещеры.

– Да ладно тебе. – махнул дагой дон Педро. – Ты же не предательница какая-нибудь.

Но эту весьма познавательную беседу прервал шелест и грозный рык.

– Ой, м-мама! – прошептала Минерва. – К-кто это?

– Бежим! – рявкнул Варт. – Минерва – вперед!

И девочка помчалась к выходу. Мальчишки рванули следом. Им было жутко, но прибавить скорости и бросить Минерву они не могли. Рев больше не повторился.

Когда дети выскочили наружу, первым делом они отбежали подальше от пещеры и в изнеможении рухнули на траву.

Все трое хватали воздух ртом. У всех кололо в боку. И все с опаской глядели на вход в пещеру: не появится ли медведь или, не дай боги, – дракон. Но ничего не происходило.

Потухшие факела валялись у ног. Последние пятьдесят метров детям пришлось мчаться в полной темноте, но выкинуть бесполезные уже факела – не догадались.

При свете дня хорошо размышлять о том, что и как надо бы сделать, а там, в пещере, где страх гнался по пятам, – было вовсе не до того!

– Чего-то мне расхотелось биться с драконом. – сказал Херо.

– Мне тоже. – поддержал друга Варт.

Минерва перевела взгляд с одного мальчишки на другого и тихо сказала:

– Я х-хочу домой. Мне с-страшно.

И это решило все проблемы. Херо молниеносно спрятал факела, нож, дагу и даже плащ в тайнике, и троица быстро спустилась с горы.

«Хватит на сегодня приключений!» – мрачно решил дон Педро. Юному графу что-то расхотелось драться с драконом и раскрывать государственную измену.

Глава 4

В замке дети появились в обеденное время. На дозорной башне как раз трижды ударили в колокол, приглашая к столу первую партию гвардейцев и, само собой, хозяев и гостей графства.

Херо провел в трапезную Варта и Минерву. Родители ничего не сказали: они знали о дружбе своего отпрыска с детьми лакеев. Должно же у мальчика быть детство!

Слуги, увидев, что Херо явился не один, тут же сервировали стол еще на две персоны. Здорово быть сыном графа! Кого бы ты ни привел, в замке всегда найдется еда для гостей.

Подали печеного фазана, лапшу из курицы, фаршированные голубцы в цветной капусте, котлеты из оленины, вареных омаров.

В общем, как обычно: всего понемногу. Два десятка легких диетических салата, вино, лимонного соку без сахара, крем-соду. И, конечно же, для гурманов – уксус не разведенный.

Из Радикулии привезли и выставили новое модное блюдо: майонез, которое, как шептались старухи, делали из обычных вороньих яиц.

Майонез очень понравился Варту.

Минерва застенчиво попросила добавки голубцов.

А Херо ел все подряд: он давно уже привык ко всем этим диковинкам.

Уркесюк меланхолично пережевывал устриц, которые пищали у него на зубах, и, казалось, был погружен в тягостные раздумья о судьбах своей далекой родины.

Родители Херо улыбались, держали спину прямо, и ели с аристократизмом истинных вельмож.

Сам юный дон Педро тоже так умел, но ему не хотелось ставить друзей в неловкое положение. И, слава богам, родители это понимали. Мать даже бровью не повела, когда Минерва не притронулась к вилочке, а взяла голубец руками.

А Херо, как истинный рыцарь сделал то же самое. Все-таки, юный граф, хотя и был дворянином, но оставался не плохим, и даже иногда чутким мальчиком.

После обеда родители с Уркесюком гордо удалились. Перед тем, как выйти из трапезной, мать поцеловала Херо и тихо спросила сына:

– Что у тебя с руками?

– Порезался. – буркнул мальчишка. – Ножичком. Вон, Гулливер видел, может подтвердить.

Графиня лишь вздохнула, понимая, что мальчишек не переделать.

Когда дети остались одни, дон Педро весело присвистнул и позвал гостей в свою комнату. Слуги покосились на юного графа, но промолчали. И тут в комнату вошел гувернер.

– А, вы уже имели честь отобедать? – грустно констатировал Гулливер. – Херо, друг мой, ты сегодня в состоянии заниматься алгеброй?

– Еще чего! – фыркнул дон Педро. – У меня каникулы! Ка-ни-ку-лы! Никакой алгебры!

– Ну ладно. – Гулливер выглядел на удивление рассеянным и подавленным. Раньше гувернер никогда так легко не сдавался.

«Странный сегодня день. – решил Херо, оборачиваясь на гувернера, и наблюдая, как Гулливер задумчиво склоняется над тарелкой. – Чего-то все сегодня, как пришибленные. Может быть, правда, над замком веет злое волшебство? Кто сказал, что магов, в принципе, не существует?»

В комнате Херо не было утреннего беспорядка. Слуги заправили кровать, убрали пижаму и одежду, собрали разбросанные накануне учебники и деревянных солдатиков, валявшихся под столом. В общем, не стыдно было приводить гостей.

– У тебя з-здесь уютно. – скромно заметила Минерва.

Варт, знавший, что соседнее окно замка принадлежит поварихе с дочерью, только хмыкнул.

О том, что Херо подглядывал за Дурьсинеей, сын лакея пронюхал давно, но, как верный вассал, помалкивал себе в тряпочку. Варт, не смотря на свой возраст, был убежден, что все проходит, а мозги остаются.

Херо присел на кровать и принялся качать ногой.

Варт подошел к окну и посмотрел во двор. В замке бесчинствовала свинья. Жирная такая хрюшка пробралась в замок, видимо, через тот же лаз, что и Херо утром, и теперь с истошным визгом нарезала круги вокруг колодца, забрызгивая грязью гонявшихся за ней гвардейцев.

«Раздолбаи». – подумал Варт, но ничего не сказал.

– Откуда в пещере медведь? – задался риторическим вопросом Херо, и растянулся на подушках. – Слышь, Варт, а может, нам почудилось?

– Всем троим? – сын лакея обернулся и грустно усмехнулся. – Это только чумой все вместе болеют, а с ума – поодиночке сходят, и каждый, понимаешь ли, идет с него своим путем.

Херо покраснел:

– Но тогда нужно предупредить остальных. Ты же не хочешь, чтобы наших парней задрали?!

– Может, еще рассказать твоим родителям, где и как ты проводишь свободное время? – Варт прошелся по комнате и плюхнулся в кресло.

Минерва жалостливо посмотрела на брата: воспитание не позволяло ей присесть в присутствии юного графа без особого на то распоряжения. Это Варт был с дон Педро на короткой ноге.

– Да ты присаживайся! – спохватился Херо, перехвативший взгляд девочки. – У нас сейчас послеобеденный сон по расписанию. Я, конечно, никогда никаких графиков не придерживаюсь, но ноги что-то, правда, гудят.

Минерва благодарно улыбнулась в ответ, и тут же рухнула во второе кресло.

– Итак, – сказал Херо, – к нам ночью, еще до первых петухов, приехал Уркесюк. Это первое. Я видел угрина сначала на лестнице, а потом в кабинете отца. Это второе. Уркесюк позвал родителей, и они разом явились, словно ждали условного сигнала в соседней комнате. Это третье. И, наконец, на Свиняре поселился, если не дракон, то медведь или кабан.

– Или демон. – зевнул Варт.

– Не перебивай. – буркнул Херо. – И без тебя собьюсь.

– Ладно, сыщик ты наш. И нюх-то у тебя, как у собаки, и взгляд, как у орла. Да, и крик как у жирафа.

– Сам такой. – Херо задумчиво накрутил на палец прядь своих черных волос. – Я тебе дело говорю. Что-то здесь не чисто. Все связано в какой-то волшебный клубок. Пяткой чувствую: во всем этом замешан Уркесюк. Только не могу понять: как именно!

– Да чего тут г-гадать? – Минерва так устала, что почти уже перестала волноваться в обществе своего кумира. – Все яснее ясного. Уркесюк – это волшебник, п-приехавший на огненных конях из подземного царства. И эти кусающиеся кони стоят на привязи в пещере. А если бы они просто паслись, нас бы догнали и съели.

– Ох! – это удивился уже Варт: не ожидал он от сестрички подобных умозаключений.

– Очень может быть. – всерьез задумался Херо. – Я сейчас вернусь. Кто заглянет – вы у меня в гостях! И ни в коем случае никуда не ходите, особенно с Уркесюком.

– Больно нам надо. – проворчал Варт.

Херо стрелою вылетел из своей спальни и помчался в библиотеку. Вернее в комнату на третьем этаже, забитую полками с пухлыми фолиантами.

Юный граф неожиданно вспомнил, что когда-то видел картинку в одном из этих томов: огненные кони выносят из пропасти зеленого сморщенного старичка.

По дороге дон Педро налетел на повариху, и бедная женщина ошпарилась кипятком из кастрюли. Не успел Херо извиниться, как в конце коридора мелькнул плащ угрина.

Юный граф метнулся в соседнюю комнату, и столкнулся со слугой, несущим на подносе грязную посуду.

Звон битого фарфора, казалось, пробудил от спячки весь замок. Но Херо не слушал нарастающий за спиной шум и ругань. Он несся сквозь комнаты и коридоры прямиком в библиотеку, и нехорошее предчувствие жгло его грудь.

Ворвавшись в библиотеку, дон Педро кинулся к полкам, и быстро принялся оглядывать корешки книг.

Ага, вон оно! Херо вытащил старый том с серебряными застежками. «Основы Херомании и Хитромантии, гадания по требухе петуха и варана, а также звездоведение и астральные прогнозы. Сочинения магистра около'оккультных наук Параградусцельсия» – было выведено на обложке.

Херо знал, что Параградусцельсий, как и великий Ахгриппа, а также Аринастол и Планктон со Спизанозой были не только великими философами древности, но и считались опытными колдунами.

В школе эти имена произносились шепотом и с благоговейным ужасом. Но иногда дон Педро казалось, что сами учителя никогда не читали книг этих магистров, – уж больно быстро преподаватели переводили тему разговора на священные пятьдесят пять томов великого оборванца Роем Ульи. Он, этот Ульи, написал такие великие труды, как «Шаг вперед, но два назад» – о магической природе вареных раков; «Интерведьминканал» – о призраке, который ходит по материку и пугает девок, и прочую подобную чушь.

«Так, – подумал Херо, – философы, как всегда, не видят дальше собственного носа. Будем надеяться, что Параградусцельсий не был таким же занудой, как Роем Ульи».

Не успел мальчишка раскрыть том, как дверь библиотеки тихо скрипнула.

«Уркесюк! – понял дон Педро. – Он обо всем догадался».

Тень упала между рядами полок. Херо метнулся в сторону и едва успел скрыться за одним из гобеленов, как услышал тихое дыхание крадущегося на цыпочках незнакомца.

«Обезьяна в босоножках орала на козла», – совершенно не к месту вспомнились вдруг слова исключения из правил костоломского языка. Херо едва не хихикнул, но вовремя прикусил язык. Почему-то сразу представился угрин в сандаликах, кричащий на спокойно жующего козла. Получалось смешно.

С дон Педро всегда так: правила он никогда не учил, но всякие гадости схватывал на лету. Херо смутно помнил, что во всех этих словах в первом слоге слышалась «а», но писать нужно было «о», а уж почему – лишь богам да учителю ведомо.

Шелест шагов приблизился. Херо, прижимая книгу к груди, затаился, задержал дыхание.

По ту сторону гобелена кто-то постоял, подышал и двинулся прочь. Через минуту дверь библиотеки хлопнула.

Херо в изнеможении осел на пол. За эти мгновения юный граф покрылся испариной, и теперь чувствовал, как капли холодного пота дрожали у него на лбу.

Еще пару минут дон Педро выжидал: не вернется ли Уркесюк, или кто это там был. Но тишину никто не потревожил.

Вынырнув из-под гобелена, прижимая к себе тяжеленный труд Параградусцельсия, Херо метнулся в двери и уже без приключений добрался до своей спальни.

– Тс-с-с! – прошипел Варт и кивнул головой на Минерву.

Бедная девочка уснула в кресле, уронив голову на грудь.

– Уркесюк не заглядывал? – шепотом поинтересовался Херо.

Варт лишь покачал головою.

Дон Педро кинул книгу на кровать, метнулся к трюмо, вытащил из ящика золотой ключик и запер двери своей комнаты изнутри.

– Уф! – Херо вытер со лба пот. – Теперь можно спокойно поговорить.

Варт встал, подошел к кровати и с любопытством уставился на том.

– В этой книге я видел одну занятную картинку.

– Может быть, ты ещё читаешь и журналы для малышни: «Смешные картинки» и «Рыцарепузики»? – в голосе Варта слышался откровенный сарказм.

– Погоди! – буркнул Херо. – Я посмотрю, что ты запоешь, когда увидишь все сам своими глазами!

Дон Педро с трудом расстегнул застежки и принялся листать книгу.

– Вот, нашел! – просиял Херо. – Зри в корень мандрагоры, как говаривал Пруткасиас.

Варт скептически уставился в книгу:

– И что я здесь должен увидеть?

– Огненных коней, Варт, и зеленого человека.

– Хм. – сын лакея казался слегка озадаченным. – Мой отец, когда подопьет, и не такое может изобразить.

– Ну, чего ты такой трудный! – от нетерпения Херо даже взмахнул руками, и едва не разбудил Минерву. – Это же Уркесюк, приехавший из подземного мира!

– Даже если и так. – Варт задумчиво почесал в затылке. – Книга, написанная больше тысячи лет тому назад, не может рассматриваться как доказательство виновности живущего сейчас герцога. По крайней мере, я так думаю.

– Тут не размышлять нужно, а действовать!

– Давай-ка, для начала прочитаем, что здесь написано. – остудил пыл Херо Варт. – Картинки, знаешь ли, ничего не проясняют.

И парни склонились над старинным томом.

«Когда же придет время Икс, когда нечистоты будут вытекать из обеих труб замка в один ров со скоростью лошадиного галопа, в землях Костоломии и Радикулии может появиться угрин Игрек. И никому не известно, чему будет равняться персонализация Зет данного субъекта». – прочитал Херо и глубоко задумался. Походило на задачу из учебника, только на странную, с тремя неизвестными.

– Время Икс – любой миг. – Варт вздохнул. – А угрин Игрек – любой угрин. Знаешь, Херо, возможно, ты и прав, но все остальное я так и не понял.

– Я тоже.

За окном внезапно потемнело. Солнце спряталось за тучи, словно испугалось той страшной тайны, которую не до конца раскрыли дети.

И тут же веселый майский гром шарахнул в почерневшем небе.

Минерва проснулась и закричала от страха.

В замке началась паника.

Слуги заметались по коридорам в поисках временного прибежища. В Костоломии ведь издревле боялись молний, считая их огнем богов и злых ведьм.

Кто-то бегал и кричал: «Дракон! К нам летит дракон!»

Конечно, это была неправда. Рассказывают, что далеко на юге, в королевстве Мавритания жил бедный, но гордый идальго дон Панса. Однажды он увидел в окне своей лачуги пролетающего мимо дракона. Он выскочил на улицу, схватил чужого осла и помчался за змеюкой вдогонку. А потом выяснилось, что дон Панса сражался с мельницей, потому что так напился маврического вина, что не мог даже вспомнить, как его зовут. Так что, на самом деле, драконов не существует. Наверное…

В общем, все принялись бегать и кричать, а в комнату Херо забарабанили:

– Эй, есть кто живой?!

– Есть!!! – завопили дети.

Дон Педро кинулся прятать книгу в самое надежное место – под подушку. Взрослым в жизни не догадаться, что там может что-то лежать!

Варт кинулся открывать двери, а Минерва осталась сидеть в кресле. Она так сильно испугалась, что ноги у неё подкосились, сердце упало в пятки, а зубы принялись стучать сами по себе.

Едва Херо спрятал книгу и сделал вальяжную позу только что проснувшегося молодого дворянина, а Варт открыл дверь, как в распахнувшееся окно влетела шаровая молния.

Вбежавший гувернер Гулливер со слугами застыли на месте. Огненный, мерцающий шар плыл в нависшей тишине, как надвигается смерть в ночных кошмарах: медленно и неумолимо.

На улице до сих пор не упало ни дождинки.

Молния уже было долетела до Херо, но вдруг остановилась, зависла над кроватью. Все застыли в напряжении, понимая, что любое колебание воздуха может привести к взрыву.

Смертельный сгусток энергии покачался, и медленно выплыл прочь из комнаты, громыхнув уже за стенами замка так, что все повалились на пол, сжимая уши руками. И сразу же хлынул дождь.

– Все в подвальное помещение! Бегом! – срывающимся от напряжения голосом рявкнул Гулливер и, видя, что у Минервы от страха отнялись ноги, подхватил бедную девочку на руки.

Через пару минут все обитатели замка сидели на скамейках между длинными рядами винных бочек и терпеливо пережидали эту странную, колдовскую грозу.

Слуги таращились на Херо, точно на покойника и шушукались. Уркесюк мрачно разглядывал свои руки.

Варт с Минервой сидели так, будто кол проглотили. Граф с графиней пили вино из бокалов, но бледность их лиц выдавала волнение: им уже сообщили, что Херо мог погибнуть.

Да, воистину, это был странный день.

Когда гроза отшумела, детям разрешили подняться наверх.

Херо первым делом кинулся к кровати: проверить на месте ли книга. Но сочинения Параградусцельсия исчезли, словно их корова языком слизнула.

Несколько мгновений дон Педро тупо смотрел перед собой и никак не мог понять, куда подевалась книга. Ведь когда дети, ведомые Гулливером и слугами, вошли в это укрытие, Уркесюк уже сидел в подвале.

Кто-то был здесь во время грозы! А может быть, среди слуг оказался предатель, прихвативший томик с собой во время бегства?

Как бы там ни было, но дела начинали принимать серьезный разворот. Эта молния, минут двадцать назад висевшая перед самым лицом Херо, теперь казалась не совсем обычной. Так ведь не бывает! По крайней мере, не должно быть.

Пока в замке не появился Уркесюк, в графстве Хренжуйском никогда не происходило столько неприятностей в один день. По крайней мере, с юным дон Педро.

Это наводило на горестные раздумья, что игры – закончились. Пора было продумывать каждый свой шаг. В замке, видимо, и в самом деле завелись враги: нечистая сила ли, люди ли – не все ли едино. Это уже не шутки. Это – настоящий дворцовый заговор!

От подобных мыслей внутри Херо все похолодело.

Да, юный граф сотни раз мечтал о том, как он поймает вражеских шпионов, победит дракона, спасет принцессу. Но игры – играми, а суровая реальность – совсем не то!

– Что? – хмыкнул Варт. – Застрял? Мысленный стопор?

– Не то чтобы… – пожал плечами Херо.

Минерва, не знавшая, что пока она спала, мальчишки узнали много важного и полезного, переводила взгляд с одного приятеля на другого и растерянно хлопала ресницами. Вид у неё был надутый: вот-вот разревется. Впрочем, все девчонки – плаксы, так же, как все парни – драчуны.

– У нас тут книга пропала. – пояснил Варт. – Та самая, в которой было написано, что угрин Игрек приедет во время Зет на огненных конях из подземного царства.

– Я же в-вам с самого начала г-говорила, что в пещере живут страшные звери из адского царства! – торжественно заявила Минерва.

– Ты не поняла. – Херо обернулся к девочке. – До грозы под подушкой мы оставили очень древнюю книгу. А сейчас её там нет! Это значит, что кто-то очень хочет, чтобы мы не узнали правду и не показали бы эти бумаги родителям. Кто-то в замке действует заодно с Уркесюком!

– Да. – Варт прошелся по комнате и плюхнулся в излюбленное кресло. – Дела, кажется, и вправду, не фонтан.

– Но если в п-пещере огненные кони, н-нужно просто сказать об этом взрослым. – в чем-то Минерва была права.

– Угу. – согласился Варт. – И нас всех запрут под домашний арест месяца на два.

– Но ведь м-можно сказать, что мы сам-ми в пещере не были, но люди г-говорят… – и Минерва глубоко задумалась.

– Тогда нам, точно, не поверят.

– Фу, какие вы оба т-трусы! – девочка гордо вскинула голову. – Тогда я сама все расскажу!

Дверь отворилась. На пороге стояла графиня:

– Что ты хочешь рассказать, девочка?

– Мы… Я… Я убежала от Варта на гору С-свиняру. А мой брат с вашим Херо помчались за мной. Я хотела сп-прятаться от мальчишек в п-пещере, но там кто-то громко рычал. Я думаю, что это были огненные кони из п-подземного мира или медведь.

Графиня побледнела:

– Когда вы были на Свиняре?

– Как раз перед обедом, мэм. – сказал красный, как вареный рак, Варт.

Херо тоже не знал, куда девать глаза от стыда. Одна маленькая девочка взяла на себя грех двух больших, почти взрослых парней. Ох, как неловко!

– Гумбольдт! – крикнула графиня. – Ко мне.

В коридоре громыхнули латы, – это бежал начальник караула.

– Гумбольдт! – тон властительницы замка был сух и непреклонен. – Немедленно возьмите две, а лучше – три дюжины опытных солдат и сию минуту прочешите всю Свиняру. В одной из пещер может быть медведь.

– Слушаюсь! – отсалютовал капитан стражи и бросился исполнять поручение.

А навстречу Гумбольдту, в детскую комнату двигались граф и Уркесюк. Мужчины вполголоса обсуждали какие-то свои государственные, очень важные и непонятные дела.

– Милая, с детьми все в порядке? – отец Херо подошел к жене и поцеловал ей руку.

– Да. – сказала графиня и, уже обращаясь к Уркесюку, добавила. – Простите нас, герцог, нам с мужем нужно срочно поговорить

– Как пожелаете. – учтиво раскланялся угрин.

Глава 5

Гумбольдт мчался впереди отряда, яростно размахивая длинным мечом. Нечищеные зубы капитана были обнажены в свирепом оскале, который среди рыцарей иронической усмешкой зовется.

Следом аллюром волочились три десятка закоренелых рубак. Все эти воины обросли усами, бородами, семействами с кучей детишек и, само собой, солидностями, нависающими над ремнями, точно бурдюки с зеленым вином.

Нет, боги упасите сказать, что гвардейцы были толсты до безобразия! Просто… Они были очень упитанны. И их всклоченные бороды, на самом деле, стыдливо скрывали третьи подбородки. А носы у всех были одинаковые – фиолетовые.

Армия мчалась к горе Свиняра. А какой-то удалец умудрился не просто держаться в седле, но еще и, на полном скаку, трубить в настоящий боевой рог. Так, из спортивного интереса. Все едино, сразу после отшумевшей грозы, на дороге не было ни единого странника, но пошуметь-то хотелось.

Из-под копыт летела грязь, которая марала попоны, а иногда и рыцарские плащи, но воины не останавливались, чтобы почистить одежду или заморить червячка парой вяленых быков и промочить горло десятком-другим бочонками пива. Они выполняли приказ графини!

Под развернутыми знаменами, точно ураган, армия ворвалась на Свиняру. Опытные бойцы перевели слегка сбившееся дыхание и начали горланить:

– Где здесь медведь? Подать его сюда с потрохами!

– Цыц! – прикрикнул Гумбольдт, но его никто уже не слышал.

В первую же пещеру, в ту самую, в которой накануне были дети, забурилось пятеро бугаев с обнаженными мечами и, топая, как стадо слоников, они кинулись во мрак, размахивая факелами, привезенными с собой и мгновенно разожженными при помощи огниво.

– Где здесь чудище? – кричали солдаты. – Подать его сюда, раз так и раз эдак!

– Эй, медведь, выходи, подлый трус!

– Ну, зверюга, ну, погоди!!! – ревели в разнобой голоса.

Не то, чтобы опытные гвардейцы были пьяны, так – по бутылочке на нос – это норма трезвости. Просто, солдаты, прошедшие в боях огонь, пиво и дележку добычи, стали за эти годы немного шумными и суетливыми. Им хотелось размять свои старые кости и прочие мышцы, которые слегка заплыли жиром.

И вдруг раздался рев.

Опля! Гвардейцы, забравшиеся далеко в пещеру дрогнули и попятились. Нет, все оказалось намного серьезнее, чем казалось вначале. В темноте кто-то, и в самом деле, был.

Гумбольдт отдавал торопливые распоряжения и уже вел остальной отряд на подмогу. Пещера мигом озарилась десятками факелов, высвечивающих каждый укромный закуток. Солдаты притихли.

Рев повторился.

Те пятеро, которые оказались впереди всех, мигом залегли под камнями, но факела не гасили. Остальной отряд уже приближался.

Рев раздался в третий раз. Теперь он был угрожающим и злым. И всем сразу стало ясно, что сейчас-то, точно, кто-то нападет.

– Мать вашу! – заорал один из пяти смельчаков, которые по своей глупости оказались впереди всех. – Мечи в ножны, идиоты, луки вам зачем?

Да, на медведя вояки экипировались подобающе: были у гвардейцев и луки, и мечи, и щиты и копья и даже два топора и один багор. Так, на всякий случай. Мало ли что может

случиться. Вдруг кто с коня свалится. Багром рыцарей обратно на рысаков поднимать ах как славно!

Гвардейцы сообразили быстро: мигом убрали мечи в ножны, вскинули луки.

Но ужасный топот уже сотряс пещеру. Потолок подозрительно загудел. И пятеро храбрецов увидели, как в свете заметавшегося огня факелов, из-за поворота выскочило три огненных коня.

Да, это были скакуны, но не из крови и плоти. Они состояли именно из пламени. И жаром от них так и разило. Под грохотом копыт сотряслась земля. И начался обвал.

Последнее, что увидели пятеро смельчаков, это то, как их стрелы сгорают на лету, а камни погребают и самих людей, и чудесных коней.

Пещеру, конечно же, завалило. Но Гумбольдт и еще двадцать человек остались живы. Они вырвались из каменной ловушки в самый последний момент, и теперь с ужасом наблюдали, как сквозь завалы взметнулось в небо жидкое пламя. Это было ужасно!

Камни плавились на глазах, они превращались в единый черный монолит. А оттуда, из адской братской могилы, все еще доносились и хрипение, и крики, и мольба о помощи.

– Сходили на медведя. – яростно обронил Гумбольдт. – Того, кто еще осмелится не выполнить приказ и останется после этого жить, – я того сам посажу на кол! Всем ясно?! Раздолбаи!!!

Солдаты понуро молчали. Понимали: погорячились. Слушались бы офицеров, – все бы остались живы. Все веселье как рукой сняло. Даже немного взгрустнулось.

И лишь одинокий трубач трясущимися руками гладил свою пегую кобылу. Это была единственная лошадь, которая не убежала прочь вместе со всеми. Просто, этот боевой конь ослеп от старости. Он, этот конь, хорошо знал лишь дороги внутри замка и города. Здесь, на Свиняре, без седока он был абсолютно беспомощен

– Джулико! – рявкнул Гумбольдт. – Немедленно извести господина о случившемся. А мы остаемся здесь до получения дальнейших распоряжений. Да и лошадей сейчас уже не собрать.

– Слушаюсь. – энергично согласился трубач и вскочил в седло своей слепой кобылы.

Через полчаса пришла подмога. Пятьдесят молодых гвардейцев, взятых прямо из охраны замка, во главе с графом Хулио и Уркесюком, вознеслись к дымящимся руинам бывшей пещеры.

– Как вы допустили, Гумбольдт, чтобы погибли люди? – граф был даже страшнее медведя, разбуженного после зимней спячки и увидевшего, что подлые люди жрут последнюю припасенную осенью бочку мёда.

– Я готов понести наказание. – холодно сказал капитан.

– Хрена ли мне теперь в твоем наказании? – буркнул Хулио, но слегка поостыл. – Немедленно и внятно объясните мне еще раз: что здесь произошло?

– Милорд… – Гумбольдт пожевал опаленный ус. – Арьергард в количестве пяти человек шел впереди. Остальная группа захвата – на расстоянии тридцати-сорока шагов. Сами понимаете, в пещере тридцать шагов – это дальние горизонты. Я не могу сказать, что там произошло, но на моих людей кто-то напал. И из глубин пещер полыхнуло огнем. Начался обвал. Кроме арьергарда мы потеряли еще четверых человек. Но камнепад поглотил и тех, кто на нас нападал.

– Вы думаете, это были люди? – Уркесюк как-то пристально посмотрел на капитана гвардии. – Или колдуны?

– Не знаю, сир! – Гумбольдт покачал головою в разные стороны. – Если бы я был молод, то, наверное, решил бы, что мои люди столкнулись с драконом. Но ведь драконов не существует. Я не знаю, что и подумать. Но в пещере явно были живые существа. Это не землетрясение и, как видите, не извержение вулкана. Причина в чем-то другом. Так опалить камни

не под силу даже при помощи летающего огня, что мы используем во время осад неприятельских замков.

– Ясно, что ни чего не ясно. – Хулио подошел к дымящимся камням и пнул их носком сапога.

От камней сразу запахло горелою кожею, а подошва слегка оплавилась.

– Выставить охрану. Круглосуточную. Двое спят, двое бодрствуют. И оставьте им четыре коня, да настоящих рысаков, а не как всегда. Гумбольдт, проследи! Лично передо мной ответишь!

– Слушаюсь! – капитан вытянулся в струнку.

– И чего вас в эти пещеры понесло? – проворчал Уркесюк, обращаясь к графу.

– Дети слышали в них рев зверя. – ответил граф.

– Понятно. Слава богам, что хоть дети живы остались. – но в словах угрина промелькнуло едва заметное сожаление, будто он знал, что произошло здесь на самом деле, и это его самого как-то касалось.

Часть вторая

повествующая о странном нашествии черных крыс, о появлении загадочного колдуна, о болезни юного графа дон Педро и его друга Вартаа также о таинственном похищении, и иных загадочных событиях

Глава 1

Утро двадцать четвертого мая выдалось пасмурным. После отшумевшей накануне грозы, тучи по небу так и шастали: туда – сюда, словно высматривали кого-то, точно вынюхивали что-то.

Херо дон Педро проснулся внезапно. И очень рано. В семь утра.

Делать было нечего, и мальчишка хотел поваляться в кровати ещё часок-другой, но не лежалось. Пришлось подняться.

Слава богам, в суматохе вчерашних событий мама забыла проследить, чтобы уже на сонного Херо надели проклятую ночную пижаму. Это радовало. Но, может быть, именно от этого ощущения полной свободы мальчишка и проснулся.

Прошлепав босыми ногами к окну, открыв раму на себя, зеленоглазый озорник вдохнул свежего утреннего воздуха. С полей тянуло тонким ароматом коровьего помета. А что может быть приятнее, чем запах будущего урожая? Но вот дону Педро этот запах, не понравился.

«И день рождения у меня только завтра, если про него совсем не забудут. Это все из-за появления дракона, или кого там убили в пещере». – подумал дон Педро и опять, как и вчера, не стал звать Гулливера.

Что он, маленький что ли? И сам прекрасно оденется, без всяких нянек. А гувернер был свой человек: всегда стоял горой за своего подопечного, и даже иногда врал графине в глаза, только для того, чтобы выгородить Херо.

Натянув поверх рубашки камзол и зашнуровав сапожки из оленьей кожи, – подарок из Радикулии, привезенный все тем же злополучным Уркесюком, Херо скептически осмотрел себя в медном зеркале.

«Не фонтан!» – пришел к заключению мальчишка. Но сапоги ему нравились, даже не меньше, чем незаконно купленная дага. Гад, конечно, угрин, но отказаться от такой удобной и мягкой обуви было выше человеческих сил. У этих сапог была удивительная подошва, вроде бы твердая, однако при лазании по деревьям – изгибалась вместе со ступней. Это было здорово! Мечта бандита, тем более что дон Херо неделю назад был выбран вожаком «Черной кошки», хотя и выглядел там белой вороной.

Сапоги Херо опробовал накануне поздно вечером, когда весь замок гудел, точно разбуженный улей. Улучив момент, дон Педро вместе с Вартом нырнули в лаз, и сиганули в сад одного местного чудака. Вот тогда-то дон Педро и оценил по достоинству подарок угрина…

В общем, утро было так себе: сонное и тихое.

Руки все еще болели. И хотя тетя Роза мазала их вонючей мазью Крыжовникова, дон Педро не решился воспользоваться сегодня веревкой, чтобы покинуть замок, а просто вышел через двери.

И тут дон Педро отказался верить своим глазам! На каждом этаже, у каждого поворота торчали небритые и слегка сонные фигуры солдат. Да, не разгуляешься. И Херо, под внимательным прицелом глаз охранников, спустился в трапезную, чинно сел за стол и, как подобает графу, дернул за колокольчик.

Через минуту в комнату ввалился сонный поваренок.

– Что желаете?

Херо выпрямил спину, как учил его Гулливер и надменно стрельнул глазами. Слуга тут же перестал зевать во весь рот, вытянулся в струнку.

– Минутку, сир! Простите, сир, все уже греется. – и поваренок вылетел из трапезной, точно стрела, пущенная в цель.

Херо остался один. Ему было грустно. Ведь это он, вместе с Вартом и Минервой, нашёл в пещере чудище, но никто уже, похоже, не помнил об этом.

Да и Уркесюк, видимо, прискакал не на адских конях, потому что уже на закате примчалась целая армия из королевства Радикулии. И их капитан сразу же перешел под командование Уркесюка.

Наверное, угрин, и в самом деле, был герцогом, а то, что кожа у него иногда становилась зеленой, а уши были острыми, так что с того? Видимо, герцог был просто чем-нибудь болен. Свинкой, например или желтухой какой-нибудь. Всего и делов-то!

Вообще, графство Хренжуйское всегда обладало особым юридическим статусом. Земли графства пролегали как раз по границе между маленькими союзными королевствами: Костоломией и Радикулией. Сам замок находился на стороне Костоломии, а пастбища для коз и коров – в Радикулии. При военной угрозе один из королей всегда высылал несколько дюжин солдат, как это случилось, например, вчера вечером.

Дон Херо молча изучал трещину в дубовом столе и думал, что пора бы уж ему тоже прославиться и стать самым знаменитым рыцарем по обе стороны границы. А то, что же это получается: дракона нашел он, а убили его неотесанные вояки. Грех сказать, сорокалетние ветераны. Тьфу!

Поваренок уже тащил теплого фазана на подносе.

– Так. – сказал Херо. – Больше ничего не надо. Разве что кувшинчик апельсинового сока.

Слуга с трудом поставил блюдо на стол. На висках поваренка дрожали капли пота.

– В следующий раз, если я изволю встать пораньше, тащи сразу три-четыре салата, а всяких гусей в яблоках оставляй родителям.

Поваренок понял свою оплошность, и хотел утащить фазана обратно, но Херо поднял руку:

– Оставь. Еще: только соку, и можешь спать дальше. Как наемся – позвоню. Не бойся, я никому не скажу, что ты не прислуживал мне во время завтрака.

Поваренок благодарно улыбнулся и помчался за соком.

Херо не стал пользоваться серебряными ножиком и вилочкой. Никого в трапезной не было, и мальчишка с наслаждением принялся нарушать этические запреты.

Во-первых, юный граф не стал повязывать салфетку.

Во-вторых, дон Педро пододвинул к себе фазана целиком и руками (какой ужас для рода Хренжуйских!) выломил ножку.

Когда поваренок радостно вбежал с кувшином в трапезную, его глаза расширились от ужаса: Херо, развалившись на стуле, руками держал мясо фазана. Не дай боги, это безобразие увидит графиня. Поваренок спал с лица:

– Сир!

– Что? – дон Педро повернулся к слуге и радостно улыбнулся.

– Ничего, сир. – промямлил поваренок. – Ваш сок.

– Поставь и иди.

Шокированный слуга, оставив на столе кувшин, молча удалился.

Утро для Херо стало более занятным, нежели показалось вначале.

Насытившись, юный граф, как и обещал, дернул за колокольчик. Поваренок влетел в трапезную, точно муха, учуявшая кучу нечистот. Херо усмехнулся, вытер руки и губы салфеткой:

– Я тут слегка набезобразничал.

– Да, сир.

– Хм. – дон Педро встал. – Маменьке можете передать, что я отправился гулять.

– Как скажите, сир.

– И прекрати сирить! – разозлился Херо. – Мы здесь одни.

Поваренок потупил глаза, не зная, что ответить.

– Ладно, убирай все, и помалкивай.

– Конечно.

И Херо пошел к лестнице, ведущей на первый этаж. Но проход загородил усатый гвардеец:

– Приказ Хулио Хренжуйского: По причинам, известным только Его Светлости, велено никого не впускать и никого не выпускать без особого на то разрешения.

– Ах, ежа вам в печень! – разозлился дон Педро. – Что же мне весь день в комнате сидеть?

– Не могу знать.

– Можешь, только не хочешь. – буркнул Херо и отправился в спальню.

Нет, день сегодня явно не задался!

Плюхнувшись на кровать, дон Педро взял со столика книжку и открыл её на семьдесят седьмой странице. На обложке золотом блеснуло теснение: «Лансельболот и Изольда. Роман об истинной рыцарской любви, предательстве и благородстве. Сочинение сеньора Голоальфа».

Не успел Херо осилить и двух страниц, как в окно постучали.

«Кто это? – подумал дон Педро. – Неужели Дурьсинея? Нет, быть того не может!… Тогда кто?»

Вскочив с кровати, Херо подбежал к окну. За решеткой на веревке, привязанной то ли к крыше, то ли к флюгеру, раскачивался Варт. Как всегда: сосредоточенный, подтянутый и умный – мечта любой мамы! Только шортиков у него не было и белых гольф.

– Ты чего в такую рань?

– Сам ты срань. – буркнул Варт, не расслышав последнего слова. – Открой окно! Не могу же я тут качаться, словно вымпел на ветру.

Юный граф не обиделся на неучтивость сына лакея. Радость от появления хорошего человека мигом перекрыла все мелкие утренние неприятности.

– Конечно! – засуетился дон Педро, схватил друга за руку и помог пролезть сквозь решетку. – Как ты на крышу забрался?

– Обыкновенно, через потайной ход. – Варт пожал плечами и перевел дыхание. – Сам же мне его показал.

– Ах, да! – хлопнул себя по лбу Херо. – И как я про него сегодня забыл? А что случилось? Ты же просто так не стал бы нарушать законы?

Варт обиделся и надулся:

– Хорошего ты обо мне мнения, а еще другом называешься!

– Да ладно, это же я так, пошутил. Ха-ха!

– Хороши шутки.

– Нет, правда, что-то случилось? На Свиняре завелся еще один дракон?

– Не дракон, а поросёнок. – Варт тихо рассмеялся. – У свиньи только опорос бывает, а не… одраконье, что ли? Тьфу, не знаю, как и сказать.

– Чего это ты такой веселый? – Херо уже начал тревожиться. – Да что стряслось-то? Ты знаешь, почему никого не выпускают из замка?

– Конечно! – лицо Варта озарилось триумфальной улыбкою. – Из пещеры Соловки выполз наш гвардеец – весь израненный, но живой.

– И что?

– Он видел, как из глубин подземелий на него вырвались огненные кони! Представляешь: Минерва оказалась права. Приехал ли на них Уркесюк, или они там сами завелись от сырости, точно тараканы, – уже и не важно.

– Ох! – Херо от неожиданности чуть не сел на пол.

Вот тебе и дракон! Что же это получается: угрин, действительно, мог быть посланцем ада? И что? Херо он подарил сапоги, отцу – рысака, матери – радикульские духи. Если на всех подарках были чары, то они уже подействовали.

А, кроме того, сними дон Педро сапоги, Уркесюк сразу догадается, что его разоблачили.

С другой стороны, если кони появились в пещере сами по себе, то сапоги можно оставить: они ведь такие удобные! Эти мысли пронеслись в голове юного графа подобно смерчу.

– Ну, и что теперь делать? – дон Педро был бледным, точно смерть.

– Это же самое я хотел тебя спросить. – пожал плечами Варт.

Не успели мальчишки продумать план совместных действий, как в дверь постучали. Херо указал глазами на кровать. Варт все понял без слов, и тут же скрылся под нависающим одеялом. Хорошо еще, что в замке полы мыли основательно: пыли под кроватью не было. Но, от соприкосновения с холодным камнем заскребло в носу.

Да это каждый мальчишка знает: всегда, когда находишься в засаде, хочется чихнуть, – сил нет. А когда можно кашлять в свое удовольствие – фигушки – нос сразу перестает чесаться. Это закон такой.

В комнату вошла графиня. Мама Херо. Звали её очень красиво и романтично: Изаура.

В графстве Хренжуйском каждая дворняга знала, что в молодости графиня была простой бедной девушкой, работавшей на фазенде злого Декабрео.

Декабрео был таким красивым, усатым, но очень злым ростовщиком. Он заставлял рабов-декабристов день и ночь гнуть за себя спину. Он приставал к Изауре с очень грязными намерениями: предлагал работать уборщицей в общественных сортирах.

И тогда появился Хулио. Он тоже был красив и силен. А еще: благороден. И, конечно же, он влюбился в Изауру с третьего взгляда.

В общем, пока суд да дело, Декабрео и Хулио сильно подрались, аж до крови. Хулио набил морду Декабрео, забрал с собою рабыню Изауру, самолично подписал своей избраннице «вольную», женился на ней и сделал её графинею.

А несчастный Декабрео от горя и нервного потрясения начал много пить пива. Сначала его, этого наглого эксплуататора, просто пучило. Потом Декабрео стал толстеть, глупеть, злиться и поджигать собственные сараи.

Возмущенные таким поведением декабристы, то есть крепостные этого злодея, тайным голосованием решили, что больше не могут жить по старому, и на хуторе, близ фазенды, возле памятника этому самому Декабрео, подняли восстание. Разорвали трусы семейные мужские черные и соорудили из них флаг. А кровью на революционном знамени вывели: «Свобода, равенство, братство, или другой барин!»

Конечно же, прослышав про возмущения народа, правительство нагнало войска и из Костоломии и из Радикулии. Мятежников повязали, отобрали у них черный стяг, спички и перочинный ножик. И всех отправили на каторгу, писать вольные стихи пингвинам. Именно тогда и появилась гордая разбойничья песня о Буревестнике и пингвине Декабрео, «который прятал тело жирное в фазенде».

Услышав эту песню, Декабрео обозвал её автора Лешего Пешего – Мигелем Горьким, и от такого циничного оскорбления стал пить пиво прямо из бочонка.

Он, этот Декабрео, пил так долго, что захлебнулся и утонул.

А Изаура от радости, что Декабрео больше никому не сможет испортить жизнь, родила Хулио сына.

Вот такая романтическая история…

В общем, графиня вошла в комнату своего сына, заперла за собою дверь золотым ключиком, села в кресло, расправила оборки голубого платья, сложила руки в замок и укоризненно посмотрела на Херо:

– Ну, рассказывай.

– А чего? – возмутился Херо. – Я ничего плохого не сделал.

– Во-первых, где ты поранил руки? Гулливер говорит, что ты порезался, но что-то я ему не верю. Вы же с гувернером лучшие друзья, не так ли?

– Ну… – дон Педро замялся, не зная, что и сказать. – Я… В общем, я спускался из окна по веревке и сорвался.

– И зачем тебе это было нужно?

– Как ты не понимаешь! – всплеснул руками Херо. – Вот напорюсь я на злодея, или на дракона, который будет угнетать прекрасную девушку, и что? Я должен заранее подготовиться к такой встрече. Это не к тому, что я жениться хочу, но ведь придется. Все же так делают. А невесту надо отбить у злодея, об этом тоже все знают. Ты же сама именно так с папой и познакомилась.

Изаура покрылась легким румянцем:

– Ладно. Допустим, ты сорвался с веревки, но каким образом вы с Минервой и Вартом оказались в пещере? Кто разрешил? Кто знал, что вы туда отправились?

И в этот момент Варт все-таки не выдержал и громко чихнул.

– Так! – тон Изауры приобрел грозовые нотки. – Кто у тебя здесь?

– Это я. – жалобно пропищал Варт и неловко вылез из-под кровати. – Я не хотел подслушивать ваш разговор, сударыня, но мне некуда было деваться.

– Понятно. – сказала графиня. – А в шкафу, видимо, сидит Минерва. Что ж, пусть выходит.

– Больше в комнате никого нет, честное слово. – проворчал Херо.

– Допустим. – Изаура откинула голову на спинку кресла. – Ну, и какая нелегкая вас занесла на Свиняру?

– Мам, не сердись, но у нас там штаб, а я – главарь. – дон Педро не нашел ничего лучшего, чем сразу во всем признаться.

– Ох! – сказал благоразумный Варт и, думая, что его не видит графиня, постучал себя по лбу, показывая тем самым Херо, что только что была совершена роковая глупость.

– Варт. – Изаура повернулась к сыну лакея. – Это правда, что у вас в пещере был штаб?

– Да, мэм. – выдавил мальчик. – Но мы не делали ничего плохого. Приносили еду и делили её с нищими ребятами. Отдавали бедным свои старые вещи, вырезали деревянные мечи и устраивали турниры. Понарошку, разумеется. Иногда там, в пещере, кто-нибудь ночевал. Но только беспризорники. Мы им там соорудили кровать, притащили стол и даже сами сшили знамя.

– Ладно, дон Педро! – графиня поднялась. – Отныне всякий раз, когда отлучаешься из замка, ты обязан ставить об этом в известность меня или отца. В пещере жили страшные звери, и я не понимаю, как они не напали на вас раньше! И не думай, Херо, что этим все и ограничится. У нас с тобой еще предстоит больший и трудный разговор. Ведь ты уже большой, а ведешь себя хуже пятилетнего.

Юный граф покраснел от пяток до самой макушки. Изаура встала, открыла дверь золотым ключом, и удалилась.

– Вот это вляпались. – только и смог выдавить Варт.

Херо был мрачнее тучи.

Глава 2

Хулио Хренжуйский сидел в библиотеке и нервно барабанил костяшками пальцев по подлокотникам старого кресла. Граф думал.

Складывалась крайне неприятная ситуация. Внутри графства творились необъяснимые вещи. Это означало, что в замок скоро начнется паломничество колдунов, юродивых и шарлатанов. А такое стечение народа может натолкнуть королей Костоломии и Радикулии на мысль, что графство Хренжуйское должно принадлежать именно им.

Хулио был очень умным правителем. Именно поэтому графство, принявшее подданство обеих корон, мирно процветало, а не стало яблоком раздора. Скрыть же случившееся было нельзя. Дурные вести имеют свойство распространяться со скоростью ветра. Над этим как раз и размышлял Хулио.

В дверь постучали.

– Войдите. – разрешил граф.

В кабинет, шурша платьем, вплыла Изаура.

– Ты, как всегда, прекрасна!

– Не время для комплиментов. – глухо отрезала графиня.

– У тебя, что: проблемы? – Хулио саркастически усмехнулся. – Посмотри на меня: у меня проблем никогда не бывает.

– Хватит шутить, граф, я только что говорила с мальчишками. Херо и Варт состояли в банде, и в этой пещере у них располагался штаб.

– Да, это, действительно, все меняет. – лоб Хулио прорезали две вертикальные черты. – Плохо дело. Возможно, нашего наследника хотели либо убить, либо выкрасть. А что ты думаешь по этому поводу?

– Кто, здесь, в конце концов, мужчина и правитель?!

– Мудрость заключается именно в том, чтобы выслушать всех, но поступить по-своему. – Хулио больше не улыбался. – Ты думаешь, что в этом может быть замешан Уркесюк?

– Да. – холодно обронила Изаура. – Со времени нашей свадьбы герцог сильно изменился. Он, действительно, иногда стал зеленеть, точно покойник. А еще он часто стал говорить странные вещи и появляться в самые неподходящие для этого минуты.

– Да. – кивнул головою граф. – И он очень живо интересовался всем происшедшим на Свиняре. Мне даже показалось, что он знает больше всех, но молчит.

– Нам нужно быть осторожными. – графиня шумно опустилась в кресло.

А угрин в это время, совершенно случайно, прогуливался мимо по тайному ходу и внимательно слушал, о чем это воркуют супруги Хренжуйские.

«Ну-ну, – подумал Уркесюк, стоявший почти у самых потайных дверей, ведущих в кабинет графа, в том самом месте, откуда вчера выскочил Херо, – это мы еще посмотрим, кто кого».

И тут во мраке тайного тоннеля блеснули бусинки глаз. Это были черные крысы.

Уркесюк, больше всего на свете боявшийся этих милых грызунов, засунул себе в рот рукав дорожного плаща и отступил к двери.

Боги, что это? Одна крыса, две, три, десять… Да их тут сотни! Умные голодные глаза смотрели прямо в душу!

Страх окатил угрина ледяною волной. Не помня себя, Уркесюк выскочил из тайного хода за спиною Хулио и Изауры, хлопнул дверью и закричал:

– Крысы! В замке сотни крыс! Это нашествие!

Супруги не видели, как именно угрин появился у них за спиною.

Муж и жена ничегошеньки не знали о тайном ходе, им и показалось, что Уркесюк, появился прямо из воздуха, именно потому, что за последние годы их свидетель просто продал душу дьяволу.

– Где вы видите крыс, герцог? – скрывая первый испуг, спокойно спросил Хулио.

– Они всюду! Загляните в подвалы! – бушевал Уркесюк. – Я знаю, это проделки негодяя Мерлина! Ох, он у меня еще поплачет!

Графская чета не знала никакого Мерлина. А поведение угрина было, мягко говоря, немного странным. Можно было подумать, что герцог сошел с ума.

Тревожило только одно: как в кабинете появился сам Уркесюк? Не мог же он, в самом деле, материализоваться прямо из воздуха только от одного упоминания его имени. Или мог?

А если мог, то кто он на самом деле: давний знакомый или враг, неведомым образом надевший чужую личину?

А, может быть, это и есть истинный герцог, только переметнувшийся на сторону зла? Ведь все течет, все меняется. И ни в чем уже нельзя быть полностью уверенным…

Крики о нашествии крыс пошли гулять по коридорам и лестницам.

Паника тут же охватила весь замок; так же, как вчера, во время грозы. Это наводило на странные мысли. Создавалось такое впечатление, будто угрин с некоторых пор просто притягивал к себе все неприятности, которые только могут случиться с человеком. Случайно или умышленно. Вопрос оставался лишь в том, зачем ему это было нужно?

Охрана пыталась успокоить слуг.

Хулио вышел из кабинета и с удивлением воззрился на бегущих, рвущихся на свежий воздух людей:

– В чем дело?

Спокойный тон и насмешливая улыбка вернули людям силы. Поварята, лакеи, гувернер, прачка – все кто остановились в коридоре, неожиданно спросили сами себя: «Черт подери, а в чем, действительно, дело?»

Каждый занимался своими обязанностями, как вдруг всем примерещились огромные черные крысы, вылезающие из погреба.

– Мне привиделись крысы, мон синьор. – понуро признался Гулливер. – Огромные и черные.

– И нам! – поддакнули поварята.

– И мы их видели. – хором сказали слуги и лакеи.

А прачка добавила:

– Кажется, эти бестии орудуют в подвале.

– Но никто из вас в подвал не спускался? – продолжал упорствовать граф. – Так или нет?

Люди поникли. Никому не хотелось проверять, есть ли в замке крысы.

Хулио начал злиться:

– Хорошо. Оставайтесь все на своих местах. Чтобы осмотреть погреб со мной отправятся два гвардейца. И без паники! Изаура, позаботься о женщинах и детях.

Уркесюк даже не порывался пойти следом за графом: видно было, что гостя просто всего трясет от страха.

«Что-то здесь не так. – подумал Хулио. – Не одному угрину сегодня привиделись крысы, однако, вчера, во время грозы, герцога так не колотило. Если Уркесюк маг, то отчего он сам боится собственных иллюзий? Или он сотворил нечто такое, что вышло из-под его контроля? В таком случае придется быть очень внимательным и осторожным».

Как знать, может быть в подвалах, и впрямь, орудуют крысы. Когда пещеру на Свиняре завалило, городок тоже тряхануло: не сильно, но, все-таки, ощутимо. Может быть, открылись старые водопроводные трубы или появились трещины в земле, по которым крысы и переправились из замурованной пещеры?

Да полноте, если там играли дети, то откуда крысы? Впрочем, а откуда огненные кони?

Когда граф спустился к винтовой лестнице, ведущей в погреба, то на мгновение задумался. Здравый смысл подсказывал, что необходимо принять меры предосторожности. Хулио резко развернулся и остановился перед гвардейцем:

– Бегом наверх, приведешь еще пятерых…

Через пару минут семеро солдат и граф стояли у дверей с пылающими факелами, щитами, крепленными к поясам и с обнаженными мечами.

– Будьте осторожны. – сказал Хулио. – После вчерашней трагедии я готов поверить во что угодно. Если в подвале крысы – отступаем немедленно. Я встречался с этими тварями. Сотня таких бестий за несколько минут может обглодать до костей любого из нас. И охнуть не успеем. Все ясно?

– Да, сир! – хором выдохнули гвардейцы, и один из них распахнул дверь ударом ноги.

Каменная лестница, ведущая вниз, хорошо просматривалась. Она была пуста. Но странный, незнакомый запах шибанул в нос. Нет, это было не прокисшее вино.

– Ч-черт! – закричал Хулио и бросился к дверям. – Заприте её!!!

– Но там же ничего нет. – попытался возразить один из гвардейцев, как с потолка на него прыгнуло черное существо размером с кота, и вцепилось зубами в глотку.

И сразу же лестница превратилась в кишащее черное море.

Да, это были крысы. Их кровавые зрачки блистали безумием, а голые хвосты приводили в содрогание. Крысы были безобразны, но в них таилось особое, колдовское очарование безграничного, умного, почти человеческого зла.

В считанные секунды крысы вырвались из подвала и принялись заполонять собою все пространство.

Хулио и шестеро гвардейцев с трудом успели выскочить и захлопнуть за собой еще одну, уже чугунную дверь, которая загрохотала подобно набату в ночи. Этой дверью не пользовались уже, наверное, лет двадцать. И, слава богам, что петли не износились!

Когда солдаты пересчитали друг друга у дверей, за которыми слышался яростный визг и скрежет когтей, то поняли, что Мишель остался там, с крысами.

– Может, вернуться? – спросил один из гвардейцев.

– Слишком поздно. – ответил Хулио. – Двое останутся здесь у дверей. Остальные – за мной. Нужно организовать эвакуацию людей из замка и из города. Живо. А ты, – и граф ткнул пальцем в трубача, – найди Гумбольдта и Уркесюка, передай им, что здесь видел. Всем все ясно?

– Да! – рявкнули гвардейцы и кинулись выполнять приказ.

Тем временем, когда Изаура покинула комнату сына, Херо нервно прошелся по комнате, и грустно посмотрел на друга:

– Кажется, наша «Черная кошка» превратилась в мокрую курицу.

– Банда – это не только пещера со столом, лежанкой, знаменем и деревянными мечами. Группировка – это состояние души. Шайка – это философия жизни. – сказал Варт и почесал нос. – Пока мы с тобой вместе – мы одна банда. Вот станем взрослыми и создадим Синдикат.

– Может быть. – вздохнул Херо. – А я так мечтал отметить свой день рождения в кругу друзей, подраться на мечах, испечь на углях яйца дрозда и тетерева, да картошечки с луком. Игнасио принес бы свиные копыта с хреном. Эх, какой это был бы пир. Я бы даже пива достал. Все-таки тринадцать лет не каждый день исполняется.

– Не петушись. – рассудительно заметил Варт. – Стоит посмотреть на все это и с другой стороны. Ну, хорошо, не пошли бы мы вчера на Свиняру, дождались бы твоего дня рождения. Собрались, глотнули бы пивка, а тут нас всех и спалили бы. И что? Если не выпендриваться,

сам ведь знаешь, что пацанам хватит и пробки понюхать, – сразу развезет. Так что не ной, а благодари богов, что все мы живы остались.

– И все-таки жаль.

– Чего? – Варт начал сердиться.

– Да я вдруг понял, что детство уходит. Вчера мы потеряли штаб и знамя. Это – судьба. Я все время стремился повзрослеть, а сейчас ощущаю себя глубоким стариком. Я чувствую: изменилось само время. И того, что было, уже никогда не вернуть.

– Ты, конечно, и старше, и книг больше прочитал, и графом станешь, когда вырастешь. И все такое. Но чего ты воешь и сокрушаешься? Подумаешь: тринадцать лет ему исполняется. Старец, блин, тут выискался!

Но закончить спор мальчишкам не дал шум, поднявшийся со всех сторон.

– С тех пор, как к нам приехал Уркесюк, житья не стало! – в сердцах фыркнул Варт. – Опять что-то стряслось.

Парни вышли в коридор и увидели поварят, бегущих сломя головы. Следом мчались растерянные слуги и Гулливер.

– Крысы! Крысы! – кричали они.

– Час от часу не легче. – глубокомысленно изрек Варт. – Вчера: огненные кони и молния, сегодня: твоя мама и крысы. О боги, что день завтрашний для нас готовит?

– Чахотку, видно, и потоп. – проворчал Херо.

На самом деле дон Педро процитировал строчку из бандитских, запрещенных песен декабристов, но никто не обратил на это внимания. Всем было не до того: все боялись крыс.

– Я с ними не побегу. – сказал Херо. – Больно надо. Если в замке есть крысы, нужно поставить ловушки и насыпать яда кураре, бромистого калия, фтористого йода, еще чего-нибудь, а не носиться по замку с глупыми воплями, побросав работу.

– А если крысы окажутся два раза умнее тебя, и обойдут яды и ловушки? – Варт нахмурился. – Я о таком слышал. Гумбольдт рассказывал, что у них там, на севере, было нашествие черных крыс, которые кушали детей и взрослых. Но даже те, кого просто покусали, – начинали болеть, бредить и умирать. И тогда в тот город пришел пастух со свирелью и, под звуки своей музыки вывел полчища этих зверюг к морю. Трое суток пастух играл на свирели, стоя на плоту, а крысы шли в воду стройными рядами и тонули.

– Враки. – вздохнул дон Педро, но в душе, все-таки, испугался.

– Может быть. – пожал плечами Варт.

А потом крики в замке утихли.

– Вот видишь. – сказал Херо. – Ничего не случилось.

И парни вернулись в детскую комнату.

Им нужно было решить еще кучу вопросов. Например: кто взял книгу без спроса и вынес её вон? А еще мальчишек интересовало, что будет теперь с бандой «Черная кошка»; где нелегкая носит Уркесюка; откуда берутся огненные кони, почему молнии бывают шаровыми?

Но поработать мозгами друзьям так и не пришлось. В комнату вновь постучали, и на пороге показался один из гвардейцев:

– Именем графа Хренжуйского, прошу следовать всех за мной.

– А что стряслось? – Херо встал и подбоченился.

– В замке крысы, сир. – ответил воин. – Приказано вывести всех людей за пределы города.

Мальчишки переглянулись: значит, – все правда! Угрин огненный колдун: сначала он приехал на волшебных конях, но плохо их привязал; потом – призвал шаровую молнию, но не смог ударить ей по Херо; теперь вот – крысы, наверняка, необычные – колдовские!

От этих размышлений бросало в озноб. Утешало только одно: если Уркесюк и волшебник, то, судя по всему, какой-то явно не доучившийся.

Глава 3

Началась эвакуация жителей города. Обыватели наотрез отказывались покидать свои дома.

Херо и Варт, ехавшие в карете, под охраной двух усачей гвардейцев, видели через окошко, как горшечники визжали на весь переулок, что, мол, как только все покинут дома, первыми город заполонят не крысы, а воры и мародеры. И кое в чем эти мастера были правы. В толпе уже мелькали странные типы весьма подозрительной наружности с бегающими, плутовскими глазами.

А за городскими стенами уже разбили лагерь: ставили шалаши и жгли костры. Лица людей были встревоженными. Видимо, городской бедноте уже приходилось сталкиваться с крысами, и это не воодушевляло жителей.

Херо и Варт, пользуясь шумихой и суматохой, выпрыгнули из кареты на полном ходу, и бегом вернулись к замку.

Война с грызунами, что может быть интереснее?! Никак нельзя пропустить подобное зрелище, чтобы потом не было мучительно больно за бесцельно прожитое детство!

Не ходить с ободранными локтями и коленями, никогда не носить синяков и царапин, ожогов и укусов таинственных жуков – это удел девчонок! Да и то не всех. Уж кто-кто, а Херо с Вартом знали, что девчонки тоже встречались нормальные: с некоторыми из них, из девчонок, можно было идти в разведку! Да и ходили, но все-таки… каждому – своё.

Улицы были заполнены телегами, коровами, оборванцами. Создавалось такое впечатление, будто началась война. Нет, особой давки и паники пока не было. Исход людей из города был спланирован, и направляем.

Всюду высились гвардейцы, зорко следящие за порядком. Путь к замку для мальчишек был полностью отрезан. Еще повезло, что гвардейцы в карете зазевались и не заметили дерзкого побега, а то пришлось бы сейчас скучать в лагере беженцев…

– Блин! – в сердцах завопил Херо. – Отец там сейчас бьется не на жизнь, а на смерть, а я здесь прохлаждаюсь.

– Не кричи. – спокойно вздохнул Варт. – Будет хуже, если нас заметят. Мало того, что ничего не увидим, так меня еще и выпорют.

Херо сразу смолк и поник.

А навстречу мальчишкам вышел ослик. Грустный такой, как будто его лет десять не кормили. Печальные глаза смотрели вниз, точно ослик искал на дороге потерянный хвостик или вчерашний день.

И дон Педро вдруг понял, что сейчас очень походит на этого упрямого осла. Подумаешь, из замка выставили!

Но развить философские мысли по поводу бренности и тленности всего живого, юному графу не пришлось.

В переулке мелькнуло и забелело что-то черненькое. Толпа взревела и кинулась к воротам, теряя последние ценные вещи, деньги, драгоценности, бриллианты, толкая друг друга и отчаянно вопя при этом.

Варт схватил Херо за шкирку:

– Бежим!

И мальчишки мигом свернули к городским воротам.

Ох! Вот это была давка! Все стремились вперед, а ворота из города были узки для такой бушующей толпы. Некоторые беженцы попытались вскарабкаться на стены, но сорвались и были затоптаны.

Гвардейцы мелькали всюду. Они были в самой гуще людей: одни воины хватали тех, кто начинал задыхаться в толчее, и пропихивали по цепочке к выходу.

По ту сторону ворот тоже стояли гвардейцы. Они выдергивали людей сквозь двери, точно шомполом пробки из бутылки и тут же говорили: «Не стойте: уходите подальше, к лагерю беженцев».

Казалось бы, зачем мешаются гвардейцы? Однако именно солдаты спасли от давки и смерти целую кучу обезумевшего народа.

– Я в толпу не пойду. – заявил Варт.

– Ты чего? – удивился Херо. – Да, мы уже сделали одну глупость, обманув охрану и вернувшись сюда.

– Вот именно. – Варт казался неумолимым. – Крысы нас, может быть, еще и не съедят, а вот в толпе – точно: задавят. Давай-ка, лучше залезем пока на чердак вот этого дома.

Херо хотел возразить, но, глянув, как с городских стен по опустевшим улицам хлынул град стрел, быстренько согласился. Где еще можно было посмотреть на войну с крысами?!

Не успели парни залезть на чердак трехэтажного, пустого особняка и забаррикадировать вход, как крысы не замедлили показаться. Паника у ворот усилилась. Теперь задние ряды напирали воинственнее. Это было похоже на кошмарный сон.

Живая черная лавина обрушилась на пустой город. Крысы бежали так быстро, что, казалось: у каждой из них не по четыре, а по сорок лап.

Булыжная мостовая превратилась в живой ковер. Королевская гвардия выступила вперед, плотно сдвинув щиты, выставив копья.

И снова туча стрел накрыла собой крыс. Но остановить нашествие было невозможно. Черная лавина ударилась о щиты, как морская пена об утес. И так же, как водные брызги, десятки крыс подпрыгнули вверх и впились зубами в лица солдат.

С чердака это все было очень хорошо видно.

Боги! Херо никогда не думал, что крысы так отвратительны и так высоко умеют прыгать. До сих пор он считал, что они чуть побольше мышей и хомяков. Да не тут-то было! Это просто какие-то маленькие демоны!

И вдруг за спиной у мальчишек полыхнуло разноцветное сияние, раздался хлопок. Херо и Варт метнулись под перекладинами к кирпичной трубе печи, обогревающей весь дом, а потому такой большой, что за ней вполне можно было укрыться.

Спотыкаясь и ругаясь, мальчишки, все же успели забиться за трубу. Эх, не было с собой даже перочинного ножика, не говоря уж о даге! Страшно!

Утешало только одно: крысы не владели волшебством. По крайней мере, никто и никогда ни о чем подобном не слышал.

Выглядывать мальчишки боялись. Так прошло несколько мгновений. Потом колдовской свет погас, и кто-то тихо охнул:

– Проклятый ревматизм! Ох, напишу я Сведенрегу по поводу заслуженного отдыха. Сколько лет я на страже мира и порядка, а он, охламон, до сих пор ни одного диспансера для чародеев не построил. Вот загнусь, кто меня мухомором натирать будет? Бабка моя, что ли? Да она еще недели три в Плайтонии просидит и ничего не заметит.

Херо с Вартом переглянулись. Да, географию они знали так себе. Ну, то, что земля плоская и круглая, как ливра – старинная монета – это знал каждый. Но что за страна такая Плайтония – было непонятно. Впрочем, если быть честными, то парни, кроме существования родных Костоломии и Радикулии толком-то, вообще ни о чем не знали. Но все же: нет такой страны на карте!

Наверное, она там, в мировом океане, в котором вся земля покоится на трех страшных чудищах елефантах, которые в свою очередь стоят на рыбе-ките.

Это же откуда волшебник прибыл? Сначала плыл, потом карабкался на кита, потом лез по слонам, прошел через адские подземные ворота…

Стоп! Так это же Уркесюк получается!

Херо посмотрел на Варта с немым вопросом на лице: «Угрин?»

Сын лакея лишь помотал головою в разные стороны: мол, нет: у этого – голос другой, более добрый и старческий.

Раздался шорох шаркающих шагов. Мальчишки замерли. Незнакомец явно подошел к круглому слуховому окну, у которого минуту назад стояли сами ребята и, видимо, выглянул наружу, потому что следующим восклицанием было:

– Ах, твою мать, недоучка!

Что это могло означать, ребята догадались сразу: у кого-то будут большие неприятности. Взрослые любят так кричать, когда не хотят ходить на работу или делать за детей домашние задания; когда начальство не хочет прибавлять им зарплату, когда клиент во всем прав, и так далее.

В общем, когда взрослые не спят и не воспитывают детей, все остальное время они примерно так и разговаривают. А когда не находится благодарно слушателя, взрослые, особенно старики, начинают рассказывать самим себе, и всем, кто подвернется под руку, как раньше все было хорошо, и как мир давно погряз в грехе и разврате.

Херо даже зевнул: он-то думал, что волшебники – это особый народ. Смешно сказать, но когда в пять лет дон Педро привели в подготовительный класс, юный граф всерьез полагал, что учителя – наместники бога на земле, потому все и знают.

Херо считал, что педагоги – это особая каста, другая национальность: они не едят, не ходят в туалет, не делают ошибок. Каким же потрясением для дон Педро было то, как он однажды увидел Кассандру, учительницу, выходящую из комнаты для девочек!

Вот и сейчас, услышав ругательства чародея, Херо почувствовал в груди легкий холодок: еще одна романтическая иллюзия разбилась вдребезги.

Со стороны это, может быть, и забавно, но юному графу взгрустнулось. Если так и дальше пойдет, может оказаться, что и на турниры ездят вовсе не для того, чтобы меряться силою и прославлять Дам Сердца, а чтобы нажраться на халяву, да в ближайшем притоне девок пощупать. Что ж, вполне может быть. Вот ведь и настоящий колдун вовсе не говорит витиевато и странно, как в книгах. Неужто ничего святого в королевствах не осталось?

– Пенициллиниус, скарлатиниус, гомункулоглистиус, угринохрянь! – словно откликаясь на мысли Херо, громовым голосом прорычал колдун, невидимый мальчишкам из укрытия.

Херо с Вартом переглянулись и высунулись из-за печки, примерно так, как это делают тараканы: осторожно и тихо, только что усами не шевелили.

У самого слухового окна стоял старик в серой мантии, с всклокоченными седыми волосами и говорил свои глупости, обернувшись лицом на улицу. Наверное, он воображал себя репетирующим актером. Но, если честно, хитон его был мятым, грязным, точно это был вовсе и не колдун был, а нищий попрошайка из Тупикового переулка.

Однако, как только этот смешной чародей начал махать руками, так с кончиков его пальцев мигом сорвались голубые молнии.

Мальчишки попятились назад с широко раскрытыми глазами.

«Кажется, это я неудачно зашел», – подумал Херо. А Варт, всегда такой спокойный и невозмутимый, вдруг побледнел.

И над городом мгновенно собрались грозовые тучи.

Никто, кроме мальчишек, не видел старого мага. Именно поэтому, всем в городе показалось, что это внезапно налетела буря. И разразилась гроза. Люди закричали.

Но, странное дело: крысы остановились и даже попятились. Мальчишки видели это все через щели между черепицей.

А на улице тем временем ударила молния, хлынул дождь.

Боги! Это было жуткое, невероятное зрелище.

Крысы вдруг начали надуваться, точно шары и взрываться маленькими зелеными вспышками колдовского огня. Это были не настоящие грызуны! Вернее – не все крысы оказались живыми.

Некоторые из них визжали и искали укрытия от непогоды, но большинство из них, все-таки, – взрывалось. Хлопки превратились в рокот салюта.

Обескураженные солдаты, лишь плотнее сжали щиты и тупо смотрели на мистерию, разыгрывающуюся прямо у них на глазах.

Крысы оказались мороком, но, все же, погибших от испуга и задавленных в давке было уже не вернуть. Люди, павшие в боях с призраками грызунов не воскресали. Неправильное это волшебство, нечестное!

А старый колдун, уничтоживший крыс, вдруг и сам исчез. Он просто растворился во вспышке света.

Все это было очень странно.

Выждав несколько минут, убедившись, что никого на чердаке не осталось, мальчишки выползли из своего укрытия и бросились к окну.

Да, вам не видать таких сражений: крысы взрывались, ливень заливал площадь, солдаты стояли и плакали, толпа в воротах замерла.

Никто ничего не понимал, но над городом зависло странное, почти физическое ощущение покоя. На несколько секунд. А потом вернулись крики, беготня, стоны.

Минут через десять ливень закончился. Вода стояла на булыжной мостовой большой мутной лужею. А там, где были просто проселочные дороги: все превратилось в жидкое месиво.

Никогда раньше такого не было.

И в этой воде плавал серый пепел. А десяток живых крыс разбежалось, грызуны нырнули и забились в щели. Но, все-таки, именно теперь стало страшнее всего. Мальчишки осознали опасность только сейчас, когда все закончилось.

Херо с Вартом переглянулись: им обоим было плоховато, то бишь очень и очень худо. Херо, вообще, тошнило.

Нет, дон Педро никогда даже и не думал, что созерцание поля битвы может вызвать у него такую реакцию. Согнувшись пополам, Херо низвергнул себе под ноги содержимое желудка, отошел на пару шагов и в изнеможении рухнул на балку. Силы покинули мальчишку.

Варт чувствовал себя молодцом, но последние события подкосили и его. Сын лакея сел у слухового окна, оперся затылком о несущую балку и закрыл глаза. Тупая головная боль пришла как спасение. Ничего не понимая, Варт закрыл глаза и мир понесся куда-то в бешеной пляске цветов, крыс, огней, пещер…

Мальчишек нашли не сразу: часа через два. Оба парня так и провалялись на чердаке без сознания. Вокруг не было ни единой дохлой крысы, но странный горелый запах висел под потолком: это ударила магическая молния Мерлина, и это она слегка подпалила крышу.

Друзей обнаружил хозяин дома – купец Гарри-Бальди, живущий в этом особняке со всем своим многочисленным семейством. Осматривая комнату за комнатой на предмет дохлых крыс и пропаж, купец заглянул и на чердак: закрыто. Слугам пришлось взломать дверь.

На место происшествия граф Хулио прибыл лично. Он дотошно осмотрел весь чердак. Хулио был ранен. Голова его была перевязана, кровь на рукаве. Грязные следы за ним тянулись повсюду. Но купец не сказал ни слова: уважал чувства отца.

Уркесюк после всех этих беспорядков сидел в своей комнате, в замке, и никуда не выходил. Вид у герцога был жалкий, точно его облили помоями и дали хорошего пинка, дабы не путался под ногами.

Изаура проводила время в лазарете у изголовий раненых.

И весь город гудел, точно растревоженный улей: никто ничего не понимал.

Священники вышли на улицы и стали убежденно, с пафосом и надрывом, врать, что, дескать, Господь призрел на молитвы грешников графства Хренжуйского, и даровал людям победу над демоном, принявшим облик черных крыс. И теперь все должны были молиться, поститься, благодарить бога, а также: каждый день умываться и чистить зубы, расчесываться, и еще: раз в неделю мыться и стричь ногти.

Ох, и смешные же эти священники: чего только не навыдумывают, чтобы у них десятину не отобрали, а пуще того – чтобы не изъяли винные погребки.

Но священников слушать не стали. Всю работу по случаю счастливого избавления от крыс побросали. Никто ничего и не мог делать. Все только и говорили, что о чуде, о ливне, о взрывающихся грызунах.

Вскоре на улицах началось массовое народное гуляние. Все шлепали по лужам, и пили пиво пенное «Гибло-бастард-3» – самое популярное в народе.

Те же, кто был совсем беден, угощался пивом сорта «Завтра», «Кряже», «Хмельное». Купцы пили вино из мандрагорского корня «Нюх дракона» и «Черный танец», «Евнухово шушуканье», а также бальзам под роковым названием «От всего».

Нищие сновали и подбирали пустые кувшины, сдавали их, и тут же покупали пиво на разлив.

Перепуганные дети молча лопали сладости: мармелад, шоколад, воздушные палочки, сладкую вату, леденцы, булочки, пирожные, безе, мороженые шарики, семечки тыквы и подсолнуха.

И только Херо с Вартом ничего не ели и не пили. Они лежали в замке на роскошных кроватях и болели. Вот им было обидно!

А у городского пруда, по распоряжению Хулио, устанавливали малые праздничные пушки для фейерверка. Праздник обещал быть удачным. Все-таки не каждый день из замка крыс изгоняют!

К вечеру, прослышав о чуде, прикатили «Беременные музыканты» из Мухельнска. У них, у этой труппы, была принцесса с писклявым голосом, а так же: ослица, собака, курица и кошка. И все они, эти музыканты, были в интересном положении. То есть с животами.

Поглазеть на такое диво собрался весь город. Близились выборы губернатора деревеньки Расторгуево, что в трех милях от замка Хренжуйских, и в графстве вот уже две недели муссировали тему демографического кризиса. Мол, детей рождается меньше, чем стариков помирает. Мол, скоро работать будет некому. Придется звать дворниками и разными грязнорабочими иностранцев. А вот новый губернатор Расторгуево сам придет и наделает детей всем без разбора, как группе «Беременные музыканты».

Людям, конечно, такое страсть как интересно. Вот народ и толпился, мешал рабочим устанавливать сцену: чуть было даже не обронили строительные леса. Рабочие сильно ругались.

Так, всем графством, после счастливого избавления от напасти, дружно готовились к празднику.

Когда на город упали сумерки, старый фонарщик зажег все восемнадцать фонарей. А люди толпились у городского пруда на каменной набережной, хлестали свое пиво и ждали продолжения банкета.

Как только фонарщик закончил свою работу, сразу затрещали барабаны, заревели литавры, а на сцену вышли «Беременные музыканты».

– Мы к вам заехали не «в лом»! – пискляво пропищала принцесса, кидая в толпу томные взгляды в поисках подходящего кавалера, в которого можно было влюбиться.

– Всем привет. – сказала на чистом костоломском языке ослиха, чем вызвала у слушателей бурю восторга.

– Где ваши руки? – закукарекала мокрая курица. – Я не вижу ваших рук!

Толпа возмущенно взревела: рук взметнулся целый лес – раза в два больше, чем торчало любопытных голов. Просто, никто не знал, что вокалистка-курица страдала тяжким недугом: куриной слепотой. Это такое заболевание, когда червяков она, бедняжка, еще видела, а все остальное – расплывалось перед ней в багровом тумане.

Кошка была самой умной и потому ничего не сказала. Она обмахнулась хвостом, взяла флейту и заиграла.

Ослиха ударила в барабаны, принцесса схватила гитару и принялась стучать ею об сцену.

В общем, полилась тихая, нежная музыка.

Если кто-то сомневается в том, что беременные звери умеют играть, петь и разговаривать, то стоит напомнить сомневающимся: жрать захочешь, – всему научишься…

И принцесса запела чистым сопрано. Впрочем, грязного сопрано никто никогда и не слышал.

Песня была о муках безответной любви юного трубочиста к прекрасной, но немного пожилой (всего-то: шестьдесят пять годочков) принцессе. Баллада повествовала о том, что пришлось пережить девятнадцатилетнему парню, как именно ему пришлось бороться за свою любовь и с миром проклятого капитала, и с оголтелым феминизмом самой возлюбленной.

Многие плакали и романтично утирали насморк пальцами, другие, размазывая слезы по щекам, очень культурно сморкались соседям на ботинки.

А потом началась дискотека.

«Беременные музыканты» знали целый десяток зажигательных мелодий, а принцесса была еще и ди-джеем, по совместительству.

В общем, тусовка удалась.

Херо и Варт смотрели на праздничный город с балкона замка. Выходить на улицу им строго запрещалось. Мальчишкам теперь ничего было нельзя: проштрафились они по полной программе – хуже некуда.

– Знаешь, – прошептал Варт Херо. – Не расстраивайся сильно: не много мы и потеряли. В прошлом году мы с сестрой видели этих «Беременных музыкантов». Это же переодетые люди, только карлики. Ловкий трюк и никакого мошенничества. Я вначале тоже подумал: все – правда, а потом папа меня сводил к ним в гримерную. И животы у них накладные. Вот так-то.

– Еще скажи, что у них есть магическая штучка, вроде музыкальной шкатулки, и сами они не поют, а только рты разевают, но деньги – огребают.

– Нет. – честно признался Варт. – До такого пока не додумались, но идея не так уж и плоха. Надо будет подсказать компетентным лицам.

И тут песни на площади перед городским прудом как-то все разом и закончились. Повисла тишина. Знающие люди говорят, что именно в такие мгновения в Костоломии и Радикулии рождаются шпионы, бюрократы и стражи порядка. Очень даже может быть. Ведь все злодеи мира откуда-то же берутся…

Но не долго царствовала над городом тишина.

Бабах! БАБАХ!!! БА-БАХХХ!!!

Это громыхнули пушки, и небо над замком расцвело сотнями огней. Казалось, что над шпилями города вдруг распустился невиданный прекрасный цветок. Потом – еще один, и ещё!

Толпа радостно улюлюкала и возбужденно орала, приветствуя каждый выстрел.

Пожилые уважаемые купцы, собравшиеся у пруда в кружок, радостно вопили. А потом каждый вопрошал соседа: «Ты чего, дурак, что ли? Чего орешь?»

Но как только раздавался новый залп салюта, вся компания, закрыв глаза, дружно и самозабвенно верещала.

Херо и Варт восхищенно уставились в небо. А за спинами мальчишек появилась Минерва с двумя белыми бантами и в розовом платье. А чуть поодаль стояли родители и Херо, и Варта. И все улыбались. Тяжелый день кончился праздником.

А потом глашатай взбежал на трибуну и начал громко кричать:

– Горожане и гости города! Спешу напомнить вам, что день кончился, и наступило 25 мая – День Рождения наследника графской короны – Херо дон Педро! Ура Херо!!!

– Ура!!! – закричала толпа, которой уже было все равно кого славить и поздравлять, лишь бы пиво не кончалось.

И снова небо расцвело салютом.

Херо обернулся, увидел родителей и благодарно им улыбнулся. После побега из кареты дон Педро думал, что никто уже и не вспомнит про его День Рождения.

Глава 4

Ночь на 25 мая, само собою, выдалась тревожною. Гвардейцы, после ужасов крысиного нашествия, не могли сомкнуть глаз, особенно у некоторых вредных покойников.

Многих в эту роковую ночь била нервная трясучка. Солдаты задумались о загробной жизни. Купцы изо всех сил старались не подсчитывать убытков. Мастеровые, откладывающие монеты «на черный день», боялись прикоснуться к своим тайникам, утешая себя тем, что ворам некогда было обыскивать дома. Дети, особенно маленькие, плакали и писались. Это было ужасно! В общем: все напились.

Даже угрин не спал в эту ночь. Бедного герцога было не узнать: он как-то весь вытянулся, осунулся, точно вмиг постарел. И безумные глаза, светившие накануне дерзкой бравадою, превратились сейчас в золу: пустую и серую. Казалось, что в душе Уркесюка отбушевал огромный пожар, ничего не оставивший после себя. Лишь пепел… тот самый, что плавал в лужах после дождя.

Над замком висела ущербная, убывающая луна. Она походила на огромный ноздреватый кусок сыра, слегка обглоданный по краю мышами. Или крысами.

Звездная россыпь порождала млечный путь, ведущий из ниоткуда – в никуда.

И под стенами замка пели сверчки, старательно выводя симфонию победы.

Впрочем, эти нудные козявки никому сильно не мешали: полгорода уже засыпала мертвецки пьяным сном или все еще ворочалась с боку на бок; а другая половина горожан, все еще ожидая вторжения новых чудовищ, беседовала при свечах.

Крыс, тем более черных, в обоих королевствах не видели вот уже добрых тридцать лет. Да и на Свиняре, кроме кабанов, никого не водилось, а тут второй день ползли упорные слухи, что демоны вернулись из зада, куда их послал великий бог Хорхе (не подумав, наверное, послал). И эти твари прискакали на огненных конях и рыскают теперь в округе. Наверное, Хорхе хотят поймать и спросить: за что он с ними обошелся так жестоко. Ищут давно, да не могут найти… А крысы – это разведчики были. В общем: пришла беда, отворяй ворота.

Херо и Варт ночевали в замке, в комнате дон Педро. На этом настояла графиня. Изаура была убеждена, что у мальчиков нервное потрясение. У дверей в спальню приставили двух охранников. На всякий случай. Слишком часто в последнее время с наследником стали случаться роковые неожиданности и совпадения.

Но как только напольные часы в трапезной пробили двенадцать, собаки во всех домах города проснулись и беспокойно заскулили, подняв к луне остроконечные морды.

Откуда-то из леса в ответ раздался протяжный волчий вой. Это была дурная примета. Шептались, что собаки всегда предчувствуют гибель своих хозяев. А когда вот так, скулят целым сводным хором, жди большой беды. Катаклизма какого. Междоусобной войны или революции.

Херо вздрогнул и проснулся. Но его разбудил не вой, а смутное, тревожное предчувствие чего-то неотвратимого, надвигающегося на замок огромной черной тучей.

Мальчишке казалось, будто из подземных гротов вырвалась туча летучих мышей и со свистом промчалась над городом. Словно сама смерть дохнула над графством Хренжуйским.

Ерунда, конечно, но ощущение страха и безысходности было настолько явственным и сильным, что дон Педро проснулся в холодном поту, и несколько секунд лежал с открытыми глазами, слушая, как бешено колотится сердце.

Было, правда, не совсем понятно, как это грохот сердца не разбудил весь замок, – ведь сам Херо его слышал так отчетливо.

А вот Варт дрых без задних ног, и даже без зазрения совести. Подумав об этом, Херо немного успокоился. «Интересно, если можно спать без задних пяток, то значит, где-то должны быть и пятки передние? Забавно». – хмыкнул себе под нос дон Педро, и самочувствие его заметно улучшилось.

Юный граф приподнялся на кровати и почувствовал, что простыня настолько пропиталась потом, что липла к телу.

– Варт!

Но сын лакея спал.

– Артур! Мать твою! – рассердился Херо и подскочил на кровати.

За дверью раздались шаги. Дон Педро тут же нырнул под одеяло и старательно зажмурился. Дверь скрипнула и в щель упала ровная полоса от настенных факелов. Охранник осторожно заглянул, осмотрел мальчишек, зыркнул глазами по всем углам и осторожно прикрыл за собою дверь.

Несколько минут Херо лежал в полной тишине. И вдруг донесся тихий шепот Варта:

– Ты там совсем охренел, что ли, или как?

– Или где. – отозвался дон Педро. – Ты ничего не чувствуешь?

– Ой, чувствую. – прошипел Варт. – Если бы твоя башка была не такой венценосной, запустил бы я в нее табуреткой. А еще я чувствую, что некоторые обормоты сами не спят, и другим не дают.

– Да я серьезно. – обиделся Херо. – Мне показалось, что собака выла, а еще: будто кто-то пронесся над городом. Может быть, это тот колдун, которого мы видели на чердаке?

– Да ну тебя! – проворчал Варт, но после последней фразы друга, сна не осталось ни в едином глазу. – Блин, достал! Ну, выкладывай, чего опять задумал.

– Да говорю же: над замком что-то творится. Наверное, опять колдовство.

– Зараза ты, а не граф будущий! – в сердцах выдохнул Варт. – Разбудил на самом интересном месте!

– А ты – эгоист! – проворчал Херо. – Пусть меня похитят злобные колдуны, а тебе лишь бы сладко поесть да крепко поспать!

Варт сел на кровати и вздохнул. Было уже ясно, что в эту ночь отдохнуть не придется.

– Ну, чего ты завелся, в самом деле? – сын лакея быстро оделся и прошелся по комнате. – Кроме нас никого здесь и нет.

Херо мимолетно отметил, что это так замечательно, когда у родителей забот полон рот: все опять позабыли про проклятую пижаму. Что ж, это даже к лучшему. Херо не без удовольствия вылез из кровати и тоже оделся:

– Пошли на балкон, там и поговорим.

Балкон находился в соседней комнате. В зале для игр. Эта комната располагалась по соседству с тайной лабораторией Хулио.

В лабораторию Херо безуспешно пытался проникнуть вот уже три года подряд, да все не мог, но точно было известно, что ночью в тайной комнате отца никого не было, и потому говорить в зале для игр было легче: подслушивать-то некому и негде!

Толкнув высокие резные двери, дети проникли в зал для игр, они прошли мимо взвода деревянных солдатиков, своим ростом достигавших парням до плеч, мимо игрушечного замка.

На стуле сидел большой плюшевый шут и бессмысленно скалился в пустоту.

Выйдя на балкон, Херо поежился. Дул холодный, северный ветер. Это в мае-то!

Варт сел в единственное свободное кресло и укрылся пледом:

– Ну?

Дон Педро подошел к перилам, зачем-то глянул вниз, и интригующим тоном произнес:

– Мне приснилась битва…

– Двух драконов: красного и черного? – Варт откровенно зевнул. – Ты это уже рассказывал на прошлой неделе.

– Нет! – затряс головой Херо. – Дрались колдуны: тот старик с чердака и Уркесюк.

– А крыс там не было? – в голосе Варта послышались сварливые нотки.

– Я тебе дело говорю. – дон Педро приблизился к Варту вплотную и страстно прошептал. – Сам посуди, в последнее время что-то не ладно в наших королевствах: то шаровые молнии, то огненные кони, то черные крысы. Сдается мне, что тут не обошлось без огненной магии!

– Волшебников не существует. – сказал Варт и запнулся на полуслове, вспомнив старика с чердака. – Ну, или, по крайней мере, их не так уж и много.

– Ага. – довольный Херо мотнул головою. – А раз они есть, то почему бы им и не подраться?

– И естественно, дон Педро, из-за тебя! – ехидно подначил Варт. – У них, у волшебников, одна цель в жизни: убить будущего графа Хренжуйского.

– А чего ты веселишься? – Херо еще раз нервно прошелся по балкону. – А, может быть, во мне течет магическая кровь?

– А от меня ты чего хочешь? – Варт зевнул, плотнее кутаясь в плед. – Во мне, точно, кровь самая обыкновенная. И кишки самые тривиальные.

– Мы должны обо всем рассказать родителям!

– Прямо сейчас? – засмеялся Варт. – Манжеты для начала расправь.

– Да чего ты? – Херо начал злиться.

– Будь я взрослым, я бы тебе тоже не поверил. – Варт почесал нос и чихнул в кулак. – А есть ли у тебя доказательства, мистер дон Педро?

– Есть ли у меня доказательства, есть ли у меня доказательства? – проворчал уязвленный Херо. – Но что же теперь делать?

– Вернуться и лечь спать.

– Да не могу я! – юный граф едва не сорвался на крик, но вовремя опомнился и прикрыл рот рукою. – Страшно мне, понимаешь?

– С этого и надо было начинать.

И тут, словно расслышав сдавленный вопль, дон Педро, в небе мелькнули тени.

– Ох! – крикнул Варт и выпрыгнул из кресла. – Бежим!

Но, запутавшись в пледе, сын лакея тут же и рухнул у дверей, выводящих на балкон.

Дон Педро же, точно завороженный, смотрел, как из черной тучи выскользнула огромная тень не то птицы, не то целой летающей тюрьмы. Животное было громадным: тень от размаха крыльев закрыла собою весь замок. У зверюги были змеиная голова на длинной шее и обтекаемое брюхо с четырьмя когтистыми лапами. А длинный хвост с огромным шипом служил этой твари рулем на крутых виражах.

На шум падения и крики в спальню ворвались солдаты. Секунда – и охрана появилась в дверях игральной залы. Сквозь прозрачные, зарешеченные двери балкона Херо хорошо был виден стражникам.

– Беги! – надрывался Варт, воюя с пледом, с трудом высвобождаясь из смешного плена.

Но дон Педро словно и не слышал. Он казался зачарованным.

– Дракон. – прошептал Херо. – Настоящий, живой… Не может быть.

Дальнейшие события разворачивались с невероятной скоростью.

Крылатая тварь рыкнула, спикировала к балкону, подхватила дон Педро когтями и тут же взмыла в ночное небо.

Охранники вырвались на балкон, споткнулись о Варта и рухнули вниз. Правда, надо отдать должное: алебарды, с которыми стражники так и бежали от своего поста, взметнулись в момент падения и обе впились в тело дракона.

Но, все-таки, Херо похитили!

Над городом ударил набат. Охрана замка пустила в небо стрелы, но все без толку. Замок вспыхнул сотнями огней. Из спален повыскакивали слуги и дети – все как один в дурацких ночных колпаках. И все нервно спрашивали друг друга, что стряслось на этот раз. Паника нарастала. Всем казалось, что крысы вернулись.

Но стража вышла к людям и объявила, что не случилось ничего страшного, просто похищен наследник.

Тем временем граф ворвался в пустую спальню и накинулся на солдат.

– А вы где были? – ревел Хулио.

Охранники растерянно топтались на месте.

Но тут вперед выступил Варт. Мальчик справедливо полагал, что если сейчас гвардейцы заикнутся о драконе, то в пылу гнева граф не поверит им, очень сильно расстроиться, и может даже казнить под горячую руку.

– Херо просил меня выйти с ним на балкон. Дону Педро было плохо, его мучили кошмары. А потом из тучи вылетел дракон. – спокойно и обстоятельно разъяснил сын лакея. – Мне было холодно, и я кутался в плед. Увидев змеюку, я закричал дону Педро, чтобы он бежал, а сам запутался и упал. Прибежали стражи, запустили в дракона алебардами, но не убили: уж очень большим оказался зверь.

– Сбылось проклятие Декабрео. – выдохнула Изаура, вбежавшая в этот момент в зал для игр и услышавшая рассказ мальчика. Бедная женина так и рухнула в обморок, прямо на руки едва подоспевшего мужа.

Придворные безмолвствовали. Да и что можно было сказать в такой ситуации?

Легенды утверждали, что драконы очень любили похищать принцесс. Уж, для какой такой надобности – неизвестно. Но чтобы эти змии проклятые и мальчишек таскали, тем более даже не принцев, а всего лишь графских отпрысков – тут крылась какая-то зловещая тайна.

Или Изаура сама была незаконной дочерью короля; или она согрешила в молодости с августейшей особой; и, соответственно, уже у самого Херо по венам текла царская кровь.

А еще, можно было предположить, что Херо и не мальчик вовсе, а какой-нибудь упырь или, вообще: переодетая девчонка, скрывающаяся принцесса. В общем, как ни крути: ерунда какая-то получается!

Вот такой неудачный день рождения выдался у дон Педро.

А вот в Радикулии цифру «13» давно отменили. У них в Королевстве ни на одной улице нет такого дома: за двенадцатым номером всегда следует четырнадцатый. Вот у кого учиться-то надо было уму-разуму! Праздновали бы этой ночью четырнадцатилетние наследника, глядишь: никакого дракона, может, и не было бы.

Часть третья

повествующая об интригах и кознях королей и чародеев,

о замысле Изауры, о разоблачении угрина Уркесюка,

и о принятии благородного идальго Херо дон Педро в ряды Всемирного Дворянского Муссонского Ордена Продвинутой Молодежи имени великого Орда

Глава 1

Херо принудительно путешествовал в драконьих лапах вниз головой. От этого начинало тошнить. И сколько дон Педро не пытался различить во мраке погоню рыцарей, – ничего не получалось.

Возможно, не было этой самой спасательной экспедиции. Какая-нибудь сентиментальная принцесса на месте юного графа уже раз десять бы потеряла сознание, но Херо был не таков.

Драконьи когти зацепили только одежду, так что никаких кровавых ран и ссадин не было. Лапы похитителя были сложены лодочкой: когтями внутрь, как разжатый кулак, и мальчишка воспользовался этой анатомической особенностью позорного змея.

Дон Педро ухватился руками за фаланги драконьих пальцев, подтянулся на весу, отцепил одежду и тяжело упал внутрь этих самых лап, в центр этого специфического кулака. Все это далось ценой невероятных усилий.

Дон Педро рухнул внутрь ладони или ступни, Херо так до конца и не понял, что это такое. Он даже испытал тихую радость, ведь, как бы там ни было, но вывалится из разорвавшейся одежды, чтобы разбиться о скалы – перспектива не самая приятная.

Кожа на ногах дракона была специфической: жестковатой, как доски, но лежать здесь было можно.

Пусть полет проходил не со всеми удобствами, но зато страх пропал. Конечно, дракон мог в любое мгновение вывернуть лапу в другую сторону, и тогда: прощайте жизнь и комфорт.

Но что-то подсказывало юному графу, что именно эта рептилия ни за какие сокровища мира не уронит своей добычи.

А, кроме того, Херо, на всякий случай, придерживался руками за чешуйки змеюки, так, на всякий случай.

Полет длился долго. В пелене облаков и под покровом ночи, трудно было понять, куда это судьба, в виде крылатого чудища, заносила дон Педро.

Однако, когда первый испуг прошел, мальчишка отметил, что от дракона вовсе не воняло. А это означало: либо – змеюка была призраком, либо – у драконов существовали нормы этикета. Предпочтительнее, конечно, встретиться с воспитанным гадом, нежели упасть с высоты, когда фантом внезапно рассеется при первых лучах солнца. Но тут уж не угадать.

Херо всегда мечтал о дальних странствиях, о захватывающих дух приключениях, о подвигах. И вот мечты стали явью. Приключение началось. Но то, что его, наследника графства Хренжуйского, вот так запросто украли из родового замка, – было очень уж унизительно.

Во-первых, куда смотрела охрана?

А во-вторых, ни фига себе шуточки: это Дурьсинею должны были уволочь или принцессу какую-нибудь! Что, это дракон совсем ослеп? Что потом в обоих королевствах говорить будут? Слухи поползут, например, что наследник графской короны – переодетая девочка, или: еще хуже, что дон Педро – не мужественный.

В общем, мучили мальчишку философские раздумья, прямо-таки вселенского размаха. Раньше, еще с полгодика назад, в подобной ситуации дон Педро стал бы изо всех сил драться за свою рыцарскую честь. Ну, колотил бы дракона по пальцам, попытался бы добраться до живота и вспороть его. Но это только мечтать хорошо, а жизнь вовсе не так романтична.

Вот, попал мальчишка в плен, и что-то сразу ему расхотелось злить дракона. Да и какой смысл рубить сук, на котором сидишь, колотить лапы, которые тебя несут над пропастью?

«Прилетим, а там будет видно». – мудро решил Херо. И это была не трусость. Просто, очутившись в лапах волшебного змия, мальчишка неожиданно осознал, что легенды об отважных рыцарях, рубящих головы драконам налево и направо – сплошное враньё.

Одному рыцарю в принципе, такого зверя не осилить. Да и десятерых хорошо обученных бойцов, пожалуй, будет маловато. Ведь, если дракон еще и огнем плюется, то ничего с ним без военной хитрости не сделать.

И, вообще, если это чудовище умеет говорить и думать, то лучше с ним дружить, нежели воевать. Как это взрослые сами не смогли додуматься до столь очевидных истин? Хотя, опять же: дружба – дружбой, а поди-ка, прокорми такую тушу, если она ненароком в гости явится!

Херо и сам не заметил, как убаюканный собственными мыслями, уснул.

Скажи дон Педро кто-нибудь, что он сможет спать в когтях дракона, – Херо бы ни за что не поверил. Но жизнь, особенно, если тебе только что исполнилось тринадцать лет, это такая странная штука, в которой возможно всё.

Солнечный луч крался по щеке и щекотал нос. Дон Педро завозился, проснулся и, вдруг вспомнив о вчерашних событиях, подскочил, точно ошпаренный.

Можно было предположить, что дракон принесёт любого пленника либо в гнездо, высящееся на высоком горном плато, либо в пещеру, заполненную золотом. Но вокруг не было ни гигантских желторотых птенцов, ни сокровищ.

Херо проснулся в самой обычной дворянской кровати на перине из лебяжьего пуха. Но замок был чужим, странным. Возможно, вовсе и не Костоломским, и даже не Радикульским!

А вокруг – ни души! Ни вчерашнего дракона, ни свирепых разбойников, ни благородных рыцарей, закованных в кандалы, ни дюжины зареванных принцесс. Нет, это было совершенно не похоже на логово приличного дракона.

Не медля, не раздумывая ни секунды, дон Педро вскочил на ноги. Точно: это – не родной замок! Как был в одежде, так и остался. Слава богу, что хоть в плену пижамы не выдают!

И, отставив мысленные шуточки, мальчишка первым делом обследовал помещение.

Так: окна не зарешечены. Странно, они что, воров не боятся? Правда, стена отвесная, а внизу – ров, в котором, наверняка, симпатично расставлены рогатины на медведя. Если сорвешься с веревки – каюк! Ни какой доктор потом не поможет. Да и руки еще не зажили – по канатам-то ползать.

Дон Педро с сожалением осмотрел забинтованные ладони: ах, как все некстати!

Стены же самой комнаты были увешаны огромными холстами с портретами гордых царей, а вовсе не драконов. Правда, были здесь и странные скалистые пейзажи. И свет, падавший в окна, казался каким-то особенным, волшебным.

Первая из трех дубовых дверей оказалась закрыта. Херо попытался рассмотреть, что там, в другом помещении, но какой-то умник придумал закрывать замочную скважину с той стороны. А с собой не оказалось ни ножичка, ни прутика. Даже обидно!

Зато вторая дверь поддалась легко. Сердце мальчишки подпрыгнуло от нечаянной радости, и тут же рухнуло в пятки: это могла быть ловушка! Петли оказались смазаны. Дверь распахнулась бесшумно, словно приглашая войти.

Несколько мгновений любопытство Херо боролось со страхом. И все же, молодость победила. Дон Педро просунул голову внутрь и сощурился.

Во второй комнате царил мягкий полумрак, влажный утренний туман стелился здесь, точно на заливных лугах. И даже чудилось хриплое ржание лошадей, слышался плеск воды, доносились запахи резеды, ромашки, чабреца и прочих трав. Чудно.

Дон Педро полностью протиснулся внутрь, не рискуя сильно распахивать дверь, и сделал шаг вперед. Радостно затрещали сороки, но впереди простирался молочный туман.

Конечно, в нормальном замке такого быть не могло. Но кто сказал, что драконы способны обитать в замках людей? А портреты на стенах могли быть ворованными.

Хотя, что известно о драконах, кроме того, что ими хорошо девок пугать? То-то и оно! А вдруг драконы – это просто оборотни. Днем: люди, а ночью – змеи позорные? Тогда понятно, почему портреты соседствуют с горными пейзажами, а архитектура дворца явно не соответствует человеческим потребностям.

Хотя, чего тут думать? Здесь действовать нужно, причем: немедленно! Эх, была, не была! И Херо шагнул в туман.

Дверь, естественно, как и всегда в подобных случаях, подло заскрипела и смачно захлопнулась.

«Колдовство!» – понял дон Педро.

Петли были смазаны гусиным жиром, а значит, скрипеть не могут. По логике. Значит, по замку бродит нечистая сила и, желая всех запугать, развлекается, как может.

Но такого храброго рыцаря, как дон Педро не устрашить! Не выйдет! Ни у кого и никогда!

И Херо смело… бросился наутек. Сначала мальчишка ринулся к двери и скромно постучал в неё кулаками и ногами, очень вежливо при этом попросив:

– Откройте, гады!!!

Крикнул так дон Педро, а в ответ – тишина. Тихо в комнате пустой. Лишь стены дрогнули, штукатурка слегка осыпалась, да зловещий смех сотряс воздух; а в остальном, – все спокойно, как на курорте. И музыка раздалась: такая чарующая, нежная, словно бешеные обезьяны лупили в тамтамы.

Но Херо некогда было наслаждаться искусством, он понял, что попал из огня, да в полымя. Нужно было бежать. Надо было спасать ноги, и руки, и голову, пока со всех сторон не показались какие-нибудь злые колдуны, которые варят из непослушных мальчиков суп.

Конечно, это все сказки, про суп, специально для пятилетних оболтусов, но, попав в зачарованное место, мигом можно уверовать во что угодно.

– Ой! – сказал дон Педро и побежал в туман.

Просто, мальчишке ничего другого и не оставалось.

Комната казалась безразмерной. Она словно бы раздвинулась до бесконечности.

Конечно, в нормальном замке, так быть не могло, но Херо чувствовал, как по коленям бьет полевая трава, слышал, как при его приближении смолкают кузнечики. Это была полная иллюзия настоящего мира. Все было в точности, как за Свинярой.

Однажды, лет в восемь, дон Педро сбежал из замка, чтобы сходить с Вартом и со всей «Черной кошкой» в ночное. Ох, весело было!

Всю ночь палили костер, варили уху из припасенной заранее рыбы, травили охотничьи байки и страшные сказки про гоблинов, которые вылезают из подземелий и сортиров. Страшно было, аж дух захватывало! Особенно, когда среди рассказа вдруг ухал филин. Дрожь пробирала от макушки до самых пяток.

Правда, потом Херо еще три года боялся ходить в сортир по большой нужде по вечерам. Туалет-то был не в замке, а у защитной стены. К нему вела каменная дорожка, освещаемая по ночам факелами. Вроде бы, чего бояться? Мудрые мастеровые для маленького дон Педро оборудовали удобное мягкое сиденье, но от этого было только страшнее.

Наслушавшись рассказов про гоблинов, Херо все время испытывал панический ужас. Ему казалось, что из смрада, из этой самой дыры, в которую сливают отходы, тянется грязная мохнатая лапа, которая хочет схватить Херо за голый зад и утащить в подземное царство.

Бр-р-р!!! Жутко и противно!

Днем Херо даже заглядывал в эту страшную дыру, но отходная яма была необычайно глубокой, и все тонуло во мраке. Вот где ужас-то!

Сейчас, убегая неизвестно от кого, дон Педро чувствовал, как к нему возвращаются дурацкие детские страхи. Нет, не гоблин из сортира. Это было похуже. Неизвестность – вот что страшнее всего!

И тринадцать лет, оказывается, не так уж и много, когда тебя похищают драконы и когда с шумом захлопываются за спиною магические двери! Какое там, к чертям, мужество!

– Кхе-кхе! – раздался глумливый смех. Казалось, звук идет со всех сторон. – Куда это вы так торопитесь молодой человек?

И туман разом рассеялся.

Херо остановился, перевел дыхание и огляделся.

Вот тебе и раз! Комната, конечно, была просторной, но не бесконечной. От закрытой двери метров на двадцать вперед вела странная дорога. Да, на ней росли травы. Но вот треск кузнечиков и пение отсутствующих птиц доносились из стен. А сама земля, на которой стоял Херо, была огромной лентой, движущейся при каждом шаге. Получалось, что все это время дон Педро топтался на месте, точь-в-точь, как белка в колесе.

Да, подобное мог придумать только механик, а не маг. И от этого стало немного стыдно. Что ж, вполне могло оказаться, что и дракон был не настоящим и даже не колдовским фантомом. Ведь не пахло от змея живым теплом!

Впереди, то ли на троне, то ли на какой-то очередной колдовской машине сидел парень. Нет, не ровесник, а постарше. Лет двадцати. Взгляд у этого человека был жесткий, точно удар хлыста. Каштановые волосы длинные, как у девчонки, да еще и вымыты и напомажены. Манжеты, рюшечки, тьфу! Наверное, король. Тем более, что на голове красовалась то ли диадема, то ли настоящая корона. Да еще на этом парне был странный плащ: изнутри огненно-красный, а снаружи – черный бархат. В общем, жуть! Приснится такой правитель ночью: лопатой не отмахнешься.

– Ты почто боярыню обидел, смерд? – в глазах и в речи местного короля промелькнул сарказм.

– От смерда слышу! – не растерялся Херо.

– Что? – взревел владыка тайной комнаты, и аж подскочил на своем странном, зеленом троне.

А то сооружение, что служило королю вместо кресла, дрогнуло, загудело и поехало. Ну, так и есть – какая-то техническая штучка. Или, все-таки, кто-то живой?

У трона не было ног, но были колеса, которые вращали по кругу шипастую ленту. Так эта махина и двигалась. Король сидел на голове механической зверюги. А еще у этого монстра из башки торчал длинный нос, как у страшного зверя елефанта.

Бабах! Нос чудища окутался дымом, и из него вырвалось пламя. Дракон?! Виверн?! Колдовство?! Механика?!

Не все ли едино?… Огонь пронесся над головой, но Херо уже упал вниз и зажал уши руками.

Бабах!!!

Потом лязг утих. Херо недоверчиво приподнял голову и отнял от ушей ладони.

Трон остановился. Из головы чудища выглянул странный чумазый человек и сконфуженно отрапортовал:

– Это, Степан сегодня не с той ноги встал. Товарищ капитан, будьте человеком, прикройте нас, если что, перед майором.

– Ладно. – буркнул король. – Ждите пока.

Херо глядел на это чудо и никак не мог понять: спит ли он, или весь мир давно сошел с ума. Так не бывает, не должно быть!

Но король уже спрыгнул со своего зверя и сам (без сопровождения свиты!) направился к дон Педро.

Херо, понимая, что ничего страшного с ним больше уже не случится, опасливо поднялся и исподлобья принялся рассматривать незнакомца.

– Ты кто есть, боярин?

Херо услышав странное слово, не понял, то ли его обидно обозвали, то ли похвалили. Пришлось дежурно улыбнуться и сказать:

– Я – Херо дон Педро, наследник графства Хренжуйского, подданный Костоломской и Радикульской корон.

– А-а-а… – протянул местный владыка и, оглядев Херо с головы до ног, обронил:

– Так это ты и есть: знаменитый идальго, рыцарь Дурьсинеи?

– Ну… – помялся дон Педро. – В рыцари меня еще не посвящали. Только с 14 лет можно рукоположить в рыцарское звание.

– Вот как? – черные брови незнакомца взлетели вверх. – Вот урод! Ну, и кого он мне опять подсунул?

– Чего? – тихо спросил Херо.

– Да так, ничего. Вассал тут у меня один проштрафился. Тебя это ни коим образом не касается… Ах, да, чуть не забыл. – король протянул для пожатия загорелую сильную руку. – Очень приятно, царь.

Херо, как и положено, упал на одно колено и поцеловал королю кончики пальцев. От ладони пахло духами. Точно: король!

– Ох, не люблю я этого, особенно, с некоторых пор. – проворчал незнакомец. – Я – Эдвард, законный и единственный наследник плайтонского престола. Борюсь с узурпатором Сведенрегом за независимость своего народа. То, что мы случайно встретились, это – указующий божий перст.

– Ничего себе: случайность! – не удержался от негодования дон Педро. – Меня дракон похитил!

– Ну, так ведь именно мы этого дракона и победили.

Крыть было нечем: дон Педро совершенно не помнил, как он попал в этот странный замок. Вот что значит крепкий здоровый сон!

А в это время в Хренжуйском родовом замке шел военный совет. Все были в сборе. Высылать погоню ночью было занятием бессмысленным, хотя бы потому, что дракон взмыл вверх, а куда он свернул за облаками – лишь одним богам ведомо.

Сейчас же, на рассвете, сразу после бессонной ночи, граф Хулио сидел в кресле и нервно барабанил пальцами по подлокотникам.

Гумбольдт стирал пальцем пыль со стола и хмурился.

Уркесюк шевелил губами, похоже, матерился то ли про себя, то ли опять про какого-то Мерлина.

Изаура ходила от окна к окну и театрально заламывала руки. А что ей, бедной, еще оставалось делать?

– Надо разослать всюду герольдов! – без особой надежды внесла очередное предложение Изаура.

– Или сборщиков налогов. – проворчал Уркесюк.

– Да, милая, это ни к чему. – Хулио потер лоб. – Я думаю, вести уже разлетелись по обоим королевствам. – Сейчас нужно либо отправить один большой отряд, либо несколько маленьких, но – в разные стороны.

– Сир. – Гумбольдт задумчиво пожевал ус. – Вы же знаете, что если сильный отряд нападет на след дракона, то это – счастье, а четыре горстки солдат, посланные в разные стороны, – только удесятеряют шанс на поражение. Нам, в любом случае, не угадать.

– Но ясновидящих здесь нет, не так ли? – нервно хихикнул угрин и вперился взглядом в бывалого солдата.

Гумбольдт лишь пожал плечами и сделал шаг в сторону.

И тут в дверь постучали.

– Войдите! – разрешил Хулио.

На пороге показался бледный Варт.

– Ваша Милость, – припадая на колени перед графом, сказал сын лакея, – не велите казнить, велите слово молвить.

– Говори.

– Ваша Милость, разрешите мне отправиться вместе с войсками. Мы с Херо дон Педро – друзья. И по моей вине его похитили.

– Твоей вины здесь нет! – раздраженно махнул рукой граф.

Правитель хотел даже немедленно отослать мальчика к родителям, да вдруг задумался.

Хулио неожиданно понял, что дети нынче взрослеют рано: акселерация, правильное питание и занятия на свежем воздухе очень этому способствуют. Разреши граф сейчас Варту участвовать в походе, и – обретет верного слугу в будущем и обожателя в настоящем.

– Ладно. – сказал Хулио. – Ты поедешь с одной из четырех поисково-спасательных групп. – В конечном счете, нам понадобятся и герольды и гонцы, чтобы держать связь.

«Вот пройдоха! – подумал Уркесюк о Варте. – И у кого только научился. – Побольше бы мне самому таких друзей, как этот Варт, глядишь, и победил бы в предыдущей войне».

Глава 2

Иван Сусамин, простой деревенский мальчишка, сидел на дороге и строгал себе свирель из ветки ивы. Холщовая рубака была залита молоком и испачкана грязью. Котомка, одетая лямкой через плечо, сиротливо болталась где-то за спиной. Лицо паренька было сосредоточено и серьезно.

Вообще-то, Иван был пастухом без роду и племени. Жил тем, что сердобольные девки наливали ему за работу молока, да давали с собою краюху хлеба. У Сусамина была своя хижина, построенная на опушке леса: то ли военный блиндаж, оставленный со времен Тридцатилетней войны, то ли заброшенная разбойниками землянка.

В деревне Простоквашино, где Ванька пас коров, поговаривали, что Сусамин был без царя в голове, потому что больше всего на свете он любил родину и государя Костоломского.

А еще Сусамин верил, что жизнь, отданная за царя и отечество – самая праведная из всех возможных. В общем, был Ванька сельским дурачком. Сидел себе спокойно, ножичком ерунду всякую строгал, отдыхал: выходной сегодня ему устроили. Как вдруг: шум, гам, топот лошадиный и скрежет зубовный.

Сусамин голову поднял: глядь, а бежать уже поздно. Стоит перед ним целое войско. Один старик с грязною бородою, тоже, видать из сирот, раз давно немытый и нечесаный. А за ним, как жар горя, тридцать три богатыря.

Не то, чтобы Ванька их сосчитать мог, просто, ему так показалось. А морды у вояк, и в самом деле были красные: наверное, аж в Простоквашино их было видно. Может, солдаты из бани шли.

Но, скорее всего, просто жажду недавно утолили, потому что глаза у всех мутные, косые. А у начальника этой армии и вовсе взгляд был злой, обиженный: того и гляди, кинется, и свирель отнимет.

– Это что деревенька? – громовым голосом возопил старец, и его карие глаза мотнулись вокруг орбит.

– Дык, наше Простоквашино. – честно признался Иван и подумал: «Не нашенские они, раз ничего не знают. Ну, все, сейчас бить будут».

А богатыри ничего: зевают, мух ртом ловят. Совсем, как деревенские. Притворяются, что никакие они не захватчики, но Сусамин быстро смекнул, что хотят эти гады его отчизну на триста лет в ярмо маврам отдать.

А еще, наверное, их всех хлебом не корми, дай только царя убить. Вон морды какие! Раньше, небось, все в каменоломнях работали, да надоело им, бунтарский дух в них проснулся, записались в армию, чтобы чужого государя жизни лишить. Семи пядей во лбу не надо, чтобы разгадать этот хитрый план. Сусамин, вон, сразу обо всем догадался.

А предводитель, старичок-то, нервничает, ногти обкусывает, сморкается, пристально на Ваньку смотрит.

– Чего надо-то? – рассердился Сусамин. – Ежели вы к царю, то не знаю, где он живет!

– Гляди-ка! – буркнул один из богатырей. – Живой партизан, а я уж думал, они все повымерли давно, вместе с папонтами.

– Р-разговорчики в строю! – прикрикнул на болтуна старик и елейно так принялся Ваньку умасливать. – Да на фиг мне твой царь не нужен, и вся Костоломия вместе с Радикулией, хрен бы их побрал! А вот не слыхал ли ты про дракона чего-нибудь?

Ха, не слыхал! Да Ванька сам этого дракона видел. Подлый зверюга. Летает редко, все больше в облаках прячется. Бывало, да не раз, схоронится этот зверюга за горой, один глаз из-за поворота торчит. Сусамин пасет коров, пасет, да устанет, только приляжет, хвать, а тут – дракон! Чистенький такой всегда, как басурманин проклятый. Взгляд у змеюки – добрый, лас-

ковый. Огнем ни разу ничего не попалил. Просто: хвать очередную корову купца Троекурова – и в кусты. Поди, за эдаким гигантом побегай!

– Нет. – сказал Ванька. – И не слыхал, и не видал.

– Жаль. – старичок так тяжело вздохнул, что Сусамин сам в себе засомневался. – А то мы-то – драконоборцы. Появился тут один паразит: царей стал таскать да графьёф вместо принцесс. Сам понимаешь, мужики в королевстве завсегда важнее будут: дров нарубить, землю вспахать.

Ох, как хотелось Ваньке поверить этим суровым бойцам и сказать, что этот подлый дракон пролетал не далее, как утром, но ведь нельзя. Врагам верить: себя не уважать. Ну, найдут они змия. Так что с того. Договорятся ведь: дракон за золото сам им царя умыкнет и доставит. Ходить воякам никуда не придется. Так-то.

– Сами то мы не местные. – честно признался старик. – Меня зовут Нилрем. В своих краях я известен еще под кличкой Мерлин. А со мною идёт гвардия Сведенрега. Они лучшие драконоловцы нашего королевства.

«Вот врет!» – подумал Ванька, но вслух ничего не сказал.

– Ну, не видел, и ладно. – вздохнул Нилрем и подтянул кушак на своей рясе. – Скажи хоть, верной ли мы дорогой идем, товарищ?

– Это, смотря, куда вам надо. – Ванька занервничал.

«Сейчас пытать начнут». – понял Сусамин и зажмурился от страха.

– А идем мы в славное графство Хренжуйское.

«Оп-па! – понял Иван. – Пора назваться Джоном Путиведом. Они же, козлы, даже не знают, что уже пересекли границу графства! Нет, явно они все врут. Ей богу, царя убить хотят! Вон, рожи какие красные: с этих-то все станется».

– Это вы не туда свернули. Я дорогу знаю, но бесплатно никого никуда не поведу. – сказал Сусамин. – Я зарабатываю тем, что провожу путников через наши леса и топи. – А зовут меня Джон по прозвищу Путивед.

Мерлин сдвинул брови:

– Ну, поди, как врешь?

– Деньги вперед, а то ни слова больше не скажу!

Старик несколько мгновений рассматривал наглого паренька, и что-то мучительно старался припомнить. Да, видать, с Мерлином случился очередной приступ забывчивости.

– Ладно. – решил главарь богатырей. – Веди нас, Путивед, к Светлому будущему.

«Как бы вам в темном прошлом не оказаться!» – злобно подумал Сусамин.

Четыре отряда выехали из города и остановились на перепутье. Первый отряд вел сам Хулио. Здесь же был и Варт, гордый, как начищенные до блеска охотничьи сапоги.

Второй гарнизон подчинялся Гумбольдту – старому, проверенному воину.

Третью дружину возглавлял друг графа: пан Бульба, который услышал о случившемся, поднял своих казаков, да только под утро прибыл в замок. Пан был гладко выбрит, но на лбу у него торчал огромный седой чуб. Да усы свисали на грудь, делая лицо вояки философски-задумчивым, и грустным.

Четвертый отряд радикульцев возглавлял герцог Уркесюк.

Предводители крепко обнялись, сплясали канкан, чтобы удача не отвернулась от них во время пути, и каждый поехал своею дорогой.

Для связи между армиями, у всех имелись по три десятка почтовых голубей. Да по три почтовых попугая. Попугаи были проверенными: их хоть режь, а не выдадут они врагу важной государственной тайны. Другое было плохо: во время перелетов некоторые попугаи могли простыть и осипнуть. Опять же, голубя вместе с запиской, тоже могли перехватить.

В общем, все было продумано до мелочей. И все надеялись, что дракон будет повержен, а победа останется за графством Хренжуйским. Все, кроме угрина.

Так начинался самый странный поход в истории королевств Костоломии и Радикулии.

А отряд Мерлина тем временем, ведомый простым пареньком из Простоквашино, свернул с торной дороги, ведущей к родовому Хренжуйскому замку, и отправился прямиком в чащобы и трясины по, якобы, самому короткому пути.

В лесу буйствовала весна, плавно переходящая в лето. Земля после вчерашнего дождя еще не просохла, налипала на сапоги богатырей. Деревья все сплошь были зелеными. На поднявшихся травах гостей радостно поджидали голодные клещи.

Отощавшие за зиму комары приветствовали иностранцев радостным гулом, да писком своим созывали на пир собратьев.

Птицы сидели себе на ветках и радостно распевали, как хорошо в стране родимой жить, пока на тебя никто охотиться не удумал.

Где-то ревел голодный медведь: наверное, нашел улей, да злые, неправильные пчелы стали жмотиться и кусаться. У-у-у, единоличники!

Лес густел. Все больше попадалось в нем осин. И это настораживало.

Нилрем был волшебником и уж он-то точно знал, что осина, она и вампира отгонит и тоску смертную навеет. Не зря же все вешаются на осинах, а не на березах или дубках. Осина-то вытягивает жизнь из всего, а дубы – наоборот. Вот так повесишься на дубе, промаешься сутки, плюнешь, вылезешь из петли и дальше жить пойдешь: бодрый такой, радостный.

От осин настроение у богатырей начало портиться.

Впереди показалось болото: бескрайнее и необъятное.

– Верной ли мы дорогой идем? – с сомнением еще раз уточнил Мерлин.

– Вы правы. – Сусамин не моргнул и глазом, а сразу – обоими. – Мы пойдем другим путем: в обход трясины. А там уж до замка рукой подать.

Старик нахмурился, но ничего не сказал: похоже, заподозрил что-то.

Еще через полчаса Нилрем спросил:

– Джон по прозванию Путивед, а как твоя настоящая фамилия?

– Сусамин. – усмехнулся Иван.

– Гад! – хатрясся от праведного гнева Мерлин. – Я вспомнил! Это ты всех интервентов заводишь в гиблые места?!

– Идите вы на фиг, я сам заблудился. – соврал Иван и, как белка, вскарабкался на осину.

– Доброта-то меня и губит! – проворчал Мерлин и приказал делать привал.

Богатыри спокойно обступили дерево, на котором сидел Сусамин, срубили эту осину, поймали Ивана и развели огонь.

– Ну, что? – обращаясь к связанному Сусамину, Нилрем казался на удивление спокойным. – Будем и дальше Ваньку валять или дорогу покажем?

– Будем валять. – гордо прохрипел Сусамин. – Вы и сами с усами, поди, выберетесь.

– Ребята! – радостно крикнул старый чародей. – Айда Ваньку валять!

– Ура! – закричали богатыри, повалили связанного Сусамина на землю, и ну его по траве катать.

А на земле-то и камни, и корни и трава сухая. Да еще выводок спящих ежиков обнаружился.

– Ой-ей-ей!!! – заорал Иван. – Живодеры, палачи, сатрапы! Умру, а ничего вам не скажу, интервенты поганые!

– Ну и ладно. – вздохнул Мерлин. – Не хотел я применять здесь магию до поры до времени, но, видимо, придется.

И, вскинув к утреннему небу костлявые руки, старик громко запел на странном, чужом гортанном языке. И вселенная отозвалась в такт. Казалось, что весь мир колыхнулся, дрогнул и признал в Нилреме одного из истинных своих повелителей.

Богатыри бросили щекотать Ваньку, и сели в кружок вблизи огня. Они, эти солдаты знали, что, ежели Мерлин принялся колдовать, то лучше ему не мешать. Маг был забывчивым: превратит в лягушку по ошибке, а контрзаклятие может и не вспомнить. Такое уже бывало. А богатырям совсем не улыбалось жить потом в этом болоте.

Сусамин тоже притих.

А над лесом заклубились магические тучи.

Хрясь, и из облаков показались волшебные колесницы, в которые были впряжены крылатые кони.

– Что ж вы сразу не сказали, что вам наш царь на фиг не нужен? – завопил расстроившийся Ванька.

– Мы тебе говорили, да ты не слушал. – Мерлин окончил свое колдовство, взял нож и подошел к Сусамину.

– Убийцы. – обиженно проворчал Ванька. – За что я жизнь отдаю, ежели вы такие сильные чародеи?

– А кому ты её отдаешь? – поинтересовался старик, перерезая путы и освобождая Сусамина. – Иди себе с миром, да думай, кого дурачишь. Не все такие добрые, как я!

А богатыри уже молча расселись по колесницам. Ждали одного Нилрема.

– Ну, бывай! – чародей похлопал закоренелого монархиста по плечу, прыгнул в последнюю свободную колесницу и вся эта кавалькада взмыла в небо.

– Эх, – горестно вздохнул Ванька, – опять не удалось царя спасти! До чего же это хлопотное занятие: служить тайным осведомителем в третьем жандармском управлении!

Глава 3

Эдвард – король маленькой, но очень гордой страны, вышел из округлых дверей на крышу башни. Следом за ним шагнул Херо дон Педро.

– Смотри. – сказал король. – Как прекрасна земля, как сочны травы в полях, как чисты воды в реках, как мало вокруг городов и, заметь, – ни одного завода, загрязняющего экологию!

Тринадцатилетний граф насупился. Слова: «Завода, Загрязняющего Экологию», как пить дать были страшным магическим заклинанием. Но ничего не произошло, и дон Педро слегка расслабился.

– Вон, прямо под нами, у стен замка лежит поверженный дракон! – Эдвард с пафосом указал на гигантского змея. – Сколько солдат полегло в неравной схватке с ним!

Дракон, валявшийся внизу на правом на боку, вдруг подмигнул и почесал брюхо задней лапой.

Дон Педро от испуга чуть было не свалился с крыши, ухватившись рукою за зубцы защитной стены.

– Век не люблю, – громко прокричал король, возможно новое заклятие, – когда умрут, а потом подглядывают!

Дракон согласно всхрапнул, лапы опустил, и глаза больше не открывал.

– Это у него, у змеюки, предсмертные судороги. – пояснил Эдвард. – Даже курица без головы по двору может бегать, а тут – дракон.

Херо боязливо покосился на труп: черт его поймет, может, и правда, мертв. Но ухо приходилось держать востро.

– Мы хотели, чтобы наша земля была чистой и плодоносящей, но пришли войска Соединенного Королевства Эйроланд и загубили нашу мечту. У них было много эльфов-полукровок, которые уже не любили леса. Захватчики жгли деревни и города ради развлечения. Они убивали мирных жителей, грабили купцов. А меня, законного правителя, перед всем миром выставили как разбойника и тирана! Мы пытались противостоять превосходящим силам противника, но куда там! Враг был хорошо обучен. А главное – их было слишком много!

– Сочувствую. – вежливо отозвался Херо.

– И вот, когда мне пришлось бежать на Хордор, эти грязные варвары пробудили демонов. И в одной из книг было пророчество, что избавить мою родную Плайтонию от всей этой проказы сможет лишь один человек во вселенной: идальго Херо дон Педро.

– Верится с трудом. – возразил Херо.

Эдвард усмехнулся и щелкнул пальцами. На крышу взбежал слуга с толстою, наверняка, древнею книгой.

Дон Педро заметил, что лакей даже не запыхался, значит, стоял и ждал, когда его позовут. Уж больно все как-то гладко складывается, даже подозрительно!

– Читай сам. – король взял фолиант, раскрыл его на том месте, где была шелковая закладка, и протянул мальчишке.

Херо взял, но тут же чуть было не выронил книгу. Ничего себе: тяжеленная!

«В Костоломии, в стране мельниц и рыцарей, вороги опять гремели костями. – прочитал юный граф. – И встал тогда благородный идальго Херо дон Педро, поклонился образу Дурьсинеи, поднял меч Охринею, и поклялся, что не вернется домой, покуда зло гуляет по дорогам родной Костоломии и Радикулии».

– Хм. – сказал дон Педро. – У меня и меча-то нет. Да и ничего здесь про демонов и вашу, как её, Плайтонию, не написано.

– Да ты ниже смотри. – посоветовал король.

Херо снова уткнулся носом в книгу: «А в далекой Плайтонии проснулся злобный демон Оторви-и-Выбрось. Этот зверь был крылат, рогат и не женат. И разинул пасть Оторви-и-Выбрось, и поглотил войско неисчислимое, и пошел разорять фермы и кушать куриц. А пророком его был поганый волшебник Мерлин. И задумал этот Мерлин натравить Оторви-и-Выбрось на Костоломию. А пуще того захотелось этому чародею убить защитника обездоленных, благородного идальго Херо дон Педро. И начал Мерлин строить козни. И встретились Мерлин с Херо дон Педро…»

Мальчишка перевернул страницу, но она оказалась пустой. Что такое? Дальше не было ни слова до конца книги. Лишь пустые страницы.

– И как все это прикажете понимать?

– Каждый мыслит в меру своей испорченности. – усмехнулся Эдвард. – Сам видишь: то, что мы встретились – это перст судьбы. Ты волен поступать, как тебе заблагорассудится, но почему бы нам ни стать друзьями и вместе не одолеть демона и Мерлина? Ведь теперь ты знаешь, что за тобой охотится чародей.

– Да, – задумчиво протянул мальчик, – теперь многое становится ясным. Шаровая молния, огненные кони, драконы – все связывается воедино. Но, может быть этот колдун и не Мерлин вовсе, а Уркесюк?

По лицу Эдварда пробежала легкая тень:

– Все может быть, но Уркесюка я знаю только с самой выгодной стороны. Кроме того, именно его я и посылал, чтобы охранять твою бесценную жизнь от происков Мерлина. Думаешь, Уркесюк переметнулся на сторону Оторви-и-Выбрось, и предал нас?

– Не знаю. – уклонился от ответа юный граф. – Мне нужно обо всем этом тщательно подумать. Могу я побыть наедине с собою?

– Сколько угодно. – улыбнулся король. – Время у нас еще есть.

Когда Херо уходил с башни, ему почудился шелест драконьих крыльев.

Конница, во главе которой скакал угрин Уркесюк, ворвалась на Свиняру подобно черному вихрю. Впереди – зиял черный провал, ведущий в очередную пещеру знаменитой горы.

Всадники въехали в подземелья и припустили вперед галопом. Угрин держал перед собою шар, освещавший все вокруг. Но от топота копыт стены вовсе не дрожали, и потолок не осыпался. Это все потому, что Уркесюк постоянно шептал заклятие тишины.

В блеклом свете магического шара всадники отбрасывали длинные, колеблющиеся тени, похожие на привидения, смахивающие на мертвецов, вылезающих из своих адских могил. Нет, не похожи были сейчас гвардейцы союзной Радикулии на живых людей! Скорее, они походили на фантомы. Это была призрачная армия. А, может быть, никакой армии и не было вовсе.

Когда всадники остановились у большого черного камня, Уркесюк вытянул руку вперед, толкнул валун и громко произнес:

– Ирис Кис-кис, откройся!

И камень заскрипел, начал поворачиваться на невидимой оси, освобождая высокий проем, проход в зияющий холодный мрак.

Угрин обернулся к своим верным слугам и бросил два слова:

– Ждите. Сторожите.

Дверь за Уркесюком замкнулась.

А воинов тут же окутало паволокой серого тумана. Человеческие глаза воинов мигом обернулись демоническими, огненными, тела гвардейцев покрылись бурой шерстью, изо рта начали выпирать мощные клыки. Это были самые настоящие гоблины.

Кони же их стали василисками. И чудовища разбились на два лагеря.

Прямо у камня монстры устроили привал.

Гоблины хохотали, зажигали от плевков василисков факела и укрепляли их на стенах пещеры.

Василиски же – эта гремучая помесь петуха и дракона – держались обособленно. Они гордо прохаживались взад и вперед, звенели огромными шпорами, только что зерна не клевали, да не кукарекали.

Впрочем, витые хвосты с ядовитыми шипами и змеиные раздвоенные языки, с которых срывалось вполне материальное пламя, вряд ли кого могли ввести в заблуждение. Безобидными эти твари, точно, не были.

Гоблины от скуки устроили соревнование. Они очень вежливо попросили у василисков одно, протухшее ещё год назад, золотое яйцо и разделились на две команды. Одну из них – возглавил некий Субарг, в другой – лидировал Покарб.

Площадку перед камнем разделили пополам, нарисовали ворота. Немного поматерились, слегка разозлись, и начали самую замечательную гоблинскую игру: хрюндич.

Один из игроков схватил золотое яйцо василисков и побежал к воротам противника. Команда соперника с радостным воем ринулась за ним. Завязалась оживленная спортивная драка.

Кому-то выбили клык, кому-то выдрали чуб, кому-то подбили глаз, – все это мелочи по сравнению с тем, какое удовольствие получили спортсмены, дубася друг друга яйцом и кулаками.

В ходе игры выяснилось, что над головами уже носится с десяток импровизированных мечей, а одного, самого маленького гоблина принялись пинать, пасуя друг другу, приняв бедняжку в толчее за яйцо василиска.

Игра оборвалась внезапно.

Нападающий Субарга шарахнул тухлым яйцом по голове вратаря и только хотел забить гол, как золотая скорлупа треснула, и из нее высунулась гневная петушиная голова:

– Да вы мертвого из гроба поднимете! Из-за вас, уродов, воскреснуть пришлось!

– Ура! – возопили василиски. – Нашего полку прибыло.

И коварные полудраконы тут же бросились на поле, смешав всю игру.

Вот и пришлось гоблинам устраивать небольшой сабантуй по поводу появления на свет еще одного василиска. В общем, верные слуги угрина жрали, ждали своего повелителя и сторожили проход, как им и было велено.

А сам Уркесюк мчался тем временем по узкому витому тоннелю, прижавшись к шее и крупу своей настоящей лошади. И магический шар все так же пылал в руке угрина. И негромкие заклятия глушили грохот копыт.

Но вот впереди показался круглый зал. Уркесюк остановил коня, спрыгнул в центр круглого подиума и пробормотал:

– Занудством зли сердца людей!

Видимо, это было сильное заклятие, потому что пещера озарилась сиянием, а самого угрина выбросило в пустоту.

Несколько минут свободного парения и Уркесюк приземлился на крыше замка.

– Трансцендентально! – сказал угрин и поглядел в небо.

Там, в вышине, парил дракон. Не очень большой, в меру упитанный, в полном расцвете сил.

– Хорошо. – потер руки Уркесюк. – Просто замечательно. Все идет по плану. На этот раз я оставлю в дураках эту старую обезьяну Мерлина! Он у меня еще попляшет, герой нации, надежда Эйроланда! Над ним даже грудные дети станут потешаться. Великий маг! Тьфу!

Войска пана Бульбы продвигались по строго намеченному маршруту с небольшим заходом на свою историческую родину. В родовом замке Бульбы казаков ждали горилка, сало, дородные жены.

Однако, воинская честь мешала Бульбе задерживаться дома более трех суток. В конце концов, мальчишку, все-таки похитили. И не совсем понятно зачем. Может быть, пытать будут или просто сожрут. Хотя, особого смысла в этом не было. Любой баран окажется жирнее этого самого Херо дон Педро. И дракон вполне мог оставить мальчика и поджидать смельчаков, где ему, змеюке, будет угодно.

Впрочем, армия пана уже свернула с узких горных троп на широкий тракт. Кругом стелилась приятная глазу степь: лишь травы да ковыль. Да шлях, уводящий за горизонт. Какие тут, к чертям, драконы? Чего им здесь делать-то?

Но, все-таки, казацкая вольница двигалась очень осторожно, если не сказать медленно. Все было тихо в степи. Ни сусликов, ни орлов – всех распугало войско и не столько своим почти бесшумным продвижением, сколько бравыми песнями, исполняемыми тихо, минорно, на камерный лад. От таких песен разве что воробей упадет замертво, а сокол – тот только оглохнет и ничего ему больше не будет.

И все было хорошо, просто замечательно. Впереди уже виднелись силуэты замка и хуторов, как небо вдруг потемнело.

– Так це ж дракон! – заорали казаки и кинулись прятаться под телеги с продовольствием, да под животы собственных коней. – Це ж он хлопцев жрет! Принцесс ему, паскудине, мало!!!

Пан Бульба тоже слегка испугался, но виду не подал. Только слегка побледнел: это с лица разом сошел хороший южный загар. Зубы начали чуть-чуть постукивать, да глаз нервно задергался. А так пан держался молодцом. Он даже с лошади не успел соскочить, чтобы спрятаться; как все уж ему, атаману, стало ясно.

– Хлопцы, вылезайте! – приказал Бульба. – Шоб мне вик горилки не видать, – не дракон это.

Храбрые казаки смело выглянули из-под телег.

И, вправду, не змей поганый! Просто семь чудных кибиток несется по небу. Везут их крылатые кони. А в повозках этих – солдаты: дюжины три, не меньше. Может быть, и слуги Ярилы, может, и сами боги, да одно точно – не дракон это!

Ну, боги, ясное дело, это еще – полбеды.

Казаки начали конфузливо вылезать из своих убежищ и делать непринужденный вид, точно здесь, посередине шляха был задуман обычный дорожный привал.

А колесницы блеснули на солнце, и пошли на снижение.

Казакам, ясное дело, подобный разворот событий нравился куда менее, если бы их совсем не заметили.

Пришлось встречать непрошеных гостей.

Крылатые кони встали в ряд, дружно всхрапнули, подняли крыльями пыль и покосились на своих бескрылых сородичей. Из одной повозки с кряхтением вывалился седой бородатый старик с магическим посохом в руке.

– Мир вам. – сказал волшебник. – Меня зовут Нилрем. – Понаслышан я, что в графстве Хренжуйском дракон похитил малолетнего графа Херо дон Педро. Вот спешу на помощь, веду с собой опытнейших драконоборцев своей страны, да малость заплутал.

– Пан Бульба со своими казаками. – сухо обронил вассал Хулио. – Но ты, дражайший, кажется, опоздал. В замке никого не осталось, кроме Изауры и слуг. Все, кто мог держать оружие, разделились на четыре отряда и отправились на поиски этого самого дракона. Вот я – один из тех, кто отправился на битву с этим мерзким порождением зла, похищающим детей.

Было видно, что витиеватая речь пану давалась с трудом.

Мерлин вежливо поклонился и сказал:

– Давайте искать Херо дон Педро вместе.

– Хм. – Бульба был несколько озадачен.

Подобное предложение делало невозможным остановку в родовом замке с трехдневной оргией. Но, все-таки, на поиски мальчишки и дракона, выступить придется. А маг и воины вовсе не помешают.

– Ладно. – пан Бульба протянул Нилрему руку. – Благословен пусть будет наш союз.

Глава 4

Херо дон Педро мерил комнату шагами и думал. Что-то не складывалось у него в голове.

Дракон похитил его, да; но вовсе не затем, чтобы съесть. Иначе стоило ли так осторожно держать в лапах простой кусок мяса? Ведь от ночного полета на теле не осталось ни единой царапины!

Уркесюк, этот герцог Радикульский, оказывается, помогает королю какой-то Плайтонии охранять его, дон Педро, от злого Мерлина! Чушь какая-то.

Как только угрин появился в доме, так сразу и начались неприятности. Может быть, настоящий Уркесюк на самом деле в плену, а в его обличии появился тот самый страшный Мерлин? Тогда многим вещам находилось объяснение. И все же, не всем.

Зачем, к примеру, Мерлину убивать Херо, когда можно было просто сделать так, чтобы никто ничего не узнал об этих пророчествах?

Или вот еще: что это за талмуд, в котором есть чистые листы? Книга судеб или чей-то дневник? Как определить: кто и когда все это написал. Может быть, Уркесюк (или Мерлин в обличии Уркесюка – Херо начал потихонечку путаться в собственных предположениях) сам все это сочинил, когда уже приехал в замок Хренжуйский?

В общем, как ни крути, а история получалась очень темной и загадочной. Тем более, что дон Педро вовсе не собирался в ближайшем будущем ни принимать сан рыцаря, ни, тем более, бороться со злом и всякими демонами.

И вот еще: про Дурьсинею никто не знал, кроме Варта. Но Варт не мог проговориться. Это точно.

Да, 25 мая, тринадцатый день рождения стал для дон Педро очень проблематичным. Приходилось делать выбор взрослого человека. И ошибка могла стоить жизни. Кому и во что верить?

От этого голова шла кругом.

Мир перевернулся. Да, рыцари, дамы, менестрели, короли и шуты, замки и турниры, а также отхожие места и свалки, канализационные рвы и трубы, кладбища и привидения – все это составляло калейдоскоп настоящей мальчишеской жизни.

Но вот всяким драконам, гоблинам, колдунам места в реальности не было никогда. Шарлатаны, фокусники, пророки, поэты и звездочеты – не в счёт. Где та тонкая грань, отделяющая миры? И как бы не сойти с ума?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.